

1893

13

№ 2470

237
95

23

СОЧИНЕНІЯ А. СКАБИЧЕВСКАГО

КРИТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ,
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

8 235

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ,
по фотографіи Ю. Штейнберга.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

317

Цѣна за два тома 3 руб.

1175

3-е изданіе Ф. Павленкова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Орлова, Садовая, № 9.

1903.

но терпѣлъ нужду, едва сводя концы съ концами при своей одинокой жизни.

Къ этому всему присоединялась вѣчная борьба съ десятками болѣзней. Чего только не подозревалъ въ себѣ Курочкинъ во время моего знакомства съ нимъ: и диабетъ, и аневризмъ, и гипертрофію сердца, и движущіяся почки, и пр., и пр. Вѣчно обставленъ онъ былъ лѣкарствами, причемъ сначала былъ приверженцемъ аллопатіи, а затѣмъ ударился въ гомеопатію, а кончилъ гипнотизмомъ, причемъ усыплялъ одного мальчика и употреблялъ тѣ лѣкарства, которыми тотъ ему диктовалъ во время сна такимъ способомъ: «ступайте на Загородный проспектъ въ аптеку, и тамъ, на третьей полкѣ, противъ окна, возьмите лѣкарства изъ банки, стоящей палѣво»... Курочкинъ посылалъ кого нибудь на Загородный проспектъ въ аптеку, чтобы замѣтили, что находится въ означенной банкѣ, и сообщили ему; а онъ, сообразно содержанию въ банкѣ, составлялъ рецептъ.

Надъ этой мнительностью Курочкина много потѣшались, но не принимали въ расчетъ того, что если у Курочкина и не было всѣхъ тѣхъ болѣзней, какія онъ въ себѣ подозревалъ, то во всякомъ случаѣ развѣ мнительность—не своего рода болѣзнь, и развѣ человѣкъ съ вполне здоровымъ самочувствіемъ становится ли съ того, ни съ сего пичкать себя всякой медицинской дрянью? Къ тому-же преждевременная смерть Курочкина въ достаточной мѣрѣ оправдала его мнительность.

Замѣчательно, что весь тотъ мракъ, какой напущалъ на себя Курочкинъ, нисколько не мѣшалъ ему быть бонвиваномъ, любившимъ и поѣсть вкусно, и выпить съ пріятелемъ бутылочку хорошаго винца. Все это продѣлывалъ онъ съ видомъ опытнаго гастронома, знающаго толкъ въ вещахъ, причемъ за бутылкой вина забывалъ всѣ свои недуги и невзгоды, и веселое остроуміе его не знало удержа. Пороку выкидывалъ онъ такіе штуки, что вдругъ среди зимы покупалъ блюдо земляники и платилъ за него 10 рублей. Когда же укоряли его въ безуміи подобной роскоши не по средствамъ, онъ отвѣчалъ что дѣйствительно это было-бы безуміемъ, еслибы ему пришло въ голову ежедневно тратить по 10 рублей на землянику, но разъ въ зиму позволить себѣ такую роскошь онъ считаетъ равносильнымъ тому, какъ эти же самыя деньги проиграть въ карты.

«Развѣ вы на прошлой недѣлѣ не продали 15-ти рублей?»—спрашивалъ онъ у упрекавшаго его господина, и тотъ не зналъ, что ему возразить.

Къ чести Курочкина слѣдуетъ замѣтить, что безсемейная, одинокая жизнь не развила въ немъ того черстваго эгоизма, который свойственъ старымъ холостякамъ. Не имѣя семьи, онъ вѣчно воспитывалъ и подымалъ на ноги какихъ-нибудь двухъ-трехъ мальчиковъ-сиротъ, пристраивалъ ихъ, ютилъ, а на ихъ мѣсто бралъ другихъ, дѣлясь со своими воспитанниками послѣднимъ.

мас. N 89
N 1039
N 1035

ЕСТЬ-ЛИ У Г. А. ЧЕХОВА ИДЕАЛЫ?

«Палата № 6». «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка».

I.

Г. Чеховъ не разъ уже имѣлъ несчастіе терпѣть страшное обвиненіе въ отсутствіи идеаловъ. Я называю это обвиненіе *страшнымъ*, потому что, въ самомъ дѣлѣ, можно-ли представить себѣ обвиненіе болѣе жестокое и уничтожающее человѣка, какъ отрицаніе у него какихъ-бы то ни было идеаловъ? Вы можете отрицать въ писателѣ талантъ,—и онъ все-таки можетъ утѣшаться хоть тѣмъ, что если у него нѣтъ таланта въ томъ высокомъ, идеальномъ смыслѣ, какой придаетъ этому слову критика, то настолько талантомъ онъ все-таки одаренъ, что произведенія его признаются годными къ печати. Можете отрицать въ немъ знанія—ну, что-же: знанія, образованность, развитіе,—все это наживное и съ большими или меньшими усилями приобретаемое. Но отрицаніе идеаловъ,—шутка-ли сказать: вѣдь это равносильно отрицанію святой святыхъ человѣка, всего его внутренняго содержанія, отрицаніе самого человѣка!..

По моему мнѣнію, здѣсь скрывается большое недоразумѣніе, коренящееся въ томъ, что въ своей

прошлой, теперь уже очень обильной литературными плодами, дѣятельности г. Чеховъ былъ слишкомъ художникъ, и увлекался подчасъ «лазурью небесъ» или «соловьиными трелями» на одномъ ряду съ предметами, заслуживающими большаго вниманія съ точки зрѣнія людей, занимающихся рѣшеніемъ важныхъ вопросовъ жизни. Но любить съѣсть кусокъ хорошаго швейцарскаго сыру не значитъ еще быть обжорой, равно и рюмка стараго вина не составляетъ еще пьянства. Можно и сыръ любить, и отъ рюмки вина не отказываться, но быть очень далекимъ отъ мысли, чтобы сыръ и вино составляли главную цѣну и значеніе жизни, а на все остальное наплевать. Его говорить, были и теперь не мало найдется у насъ эстетиковъ, которые увѣряютъ насъ, что упиваться «лазурью небесъ» и «соловьиными трелями» гораздо почтеннѣе и добродѣтельнѣе, чѣмъ умирать за отечество. Но, ради Христа, найдите мнѣ хоть одну страницу у г. Чехова, которая давала-бы вамъ право обвинять его въ подобныхъ-же взглядахъ?

У г. Чехова найдете вы свои фальшивыя страницы, каковы на примѣръ концы его произведеній «Дуэль»

Вошло в кн. Сочиненія, критич. изд. Г. А. Чехова. 6 2-х тт. Изд. 2-е, т. 2, СПб., 1895. с. 792-824.
Впервые: разделы I-III — Нов. и бурж. поэ. 1892, 34 кн. N 334; IV — 1892, 34 кн. N 334.

и «Жена», но эти концы страдают вовсе не художественным индифферентизмом и эпикурейством и не отсутствием идеалов, а, напротив того, тѣмъ крайнимъ идеализмомъ, который полагаетъ, что вѣра и любовь въ буквальный смыслъ двигаютъ горами, и что самому отпѣтому негодяю ничего не стоитъ подъ ихъ влияніемъ обратиться въ рыцаря безъ страха и упрека...

Вышеозначенное недоразумѣніе, т. е. отрицаніе у г. Чехова идеаловъ, происходитъ между прочимъ и отъ той причины, что, какъ художникъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, г. Чеховъ никогда не формулируетъ своихъ идеаловъ теоретически; воплощать же ихъ въ живые образы ему не приходится, такъ какъ онъ имѣетъ дѣло съ русской дѣйствительностью, дающей ему очень мало свѣтлыхъ красокъ, но въ то же время онъ слишкомъ реальный писатель для того, чтобы изображать то, чего въ жизни онъ не встрѣчаетъ.

Поэтому ему приходится поневолѣ скрывать свои идеалы, подразумѣвать ихъ, выставляя явленія, стоящіе въ полномъ противорѣчій съ ними. Но подумайте, развѣ есть какая-нибудь возможность выставить всѣ безобразія какихъ-либо явленій и вопиющее отступленіе ихъ отъ идеаловъ, развѣ художникъ не хранить этихъ идеаловъ въ душѣ своей, не проникнуть ими? Такъ напримѣръ, возьмите хотя-бы «Палату № 6», — примите во вниманіе не тотъ или другой характеръ, сцену, эпизодъ, — а всю картину въ ея полномъ ансамблѣ. Передъ вами рисуется въ маленькомъ захолустномъ городкѣ такое страшное общественное разложенье, дальше котораго трудно себѣ что-либо представить, — развѣ что послѣдній день Помпеи или Содома. Сообразите только, имѣли бы возможность художникъ нарисовать столь мрачную картину во всемъ ея ужасающемъ васъ безобразіи, еслибы въ душѣ своей онъ не имѣлъ идеала иной, болѣе свѣтлой, разумной и желательной жизни?

Надо вамъ впрочемъ сказать, что раньше, чѣмъ я успѣлъ прочесть «Палату № 6» самъ, меня познакомили съ сюжетомъ ея одинъ пришедшій ко мнѣ пріятель, только что прочитавшій ее и въ свою очередь находившійся подъ сильнымъ ея впечатлѣніемъ. По разсказу моего пріятеля, въ основѣ сюжета лежитъ чистѣйшая уголовщина, заключающаяся въ томъ, что челоѣка, находившагося, какъ официально выражаются, «въ здоровомъ умѣ и твердой памяти», заподозрѣваютъ въ помѣшательствѣ, сажаютъ въ сумасшедшій домъ, и тамъ онъ трагически погибаетъ отъ апoplectического удара подъ побоями больничнаго сторожа.

Все это, по словамъ моего пріятеля, случилось не просто и не случайно, а по сознательному умыслу злого челоѣка, въ интересахъ котораго было погубить такимъ ужаснымъ образомъ своего ближняго. Въ захолустномъ, видите-ли, городѣ жили-были два доктора. Одинъ изъ нихъ, Андрей Ефимовичъ Рагинъ, двадцать лѣтъ уже состоялъ при городской больницѣ, хотя медицинскую зналъ очень плохо; службу онъ исполнялъ небрежно, но былъ очень мягкій, добрый, гуманный и любилъ пофилософствовать на досугѣ.

Другой — уѣздный врачъ, Евгений Федоровичъ Хоботовъ, былъ приглашенъ городомъ на усиленіе медицинскаго персонала въ городскую больницѣ и на помощь Рагину. Это былъ еще молодой челоѣкъ лѣтъ около 30, высокій брюнетъ съ широкими скулами и маленькими глазами. Пріѣхалъ онъ въ городъ безъ гроша денегъ, съ небольшимъ чемоданчикомъ и съ молодой некрасивой женщиной, которую онъ называлъ своей кухаркой. У этой женщины былъ младенецъ. Ходилъ Евгений Федоровичъ въ фуражкѣ съ козырькомъ и въ высокихъ сапогахъ, а зимой — въ полушубкѣ. Онъ близко сошелся съ фельдшеромъ Сергѣемъ Сергѣичемъ и съ казначеемъ, а остальныхъ чиновниковъ называлъ почему-то аристократами и сторонился ихъ. Во всей квартирѣ у него была одна только книга: — *Новѣйшіе рецепты вънской клиники 1881 года*. Идя къ больному, онъ всегда бралъ съ собой и эту книжку. Въ клубѣ по вечерамъ игралъ на биллиардѣ, картъ же не любилъ. Большой былъ охотникъ употреблять въ разговорѣ такіе слова, какъ «канитель», «мантифолія съ укусомъ», «будетъ тебѣ тѣнь наводить» и т. п.

Въ больницѣ онъ бывалъ два раза въ недѣлю, обходилъ палаты и дѣлалъ пріемку больныхъ. Совершенное отсутствіе антисептики и кровососныхъ банки возмущали его, но новыхъ порядковъ онъ не вводилъ, боясь оскорбить этимъ Андрея Ефимовича. Своего коллегу, Андрея Ефимовича, онъ считалъ старымъ плутомъ, подозрѣвалъ у него большія сребства и втайнѣ завидовалъ ему. Онъ охотно бы занялъ его мѣсто.

И вотъ такому господину, во всѣхъ отношеніяхъ ничтожному, пришлось вдругъ играть роль злодѣя повѣсти. По разсказу пріятеля именно онъ распустилъ по городу слухи о сумасшествіи Андрея Ефимовича и засадилъ коллегу въ сумасшедшій домъ, гдѣ тотъ погибъ столь ужасно.

Я вполне признаю при малокультурности и лживости нашего общества возможность запереть въ сумасшедшій домъ вполне здороваго челоѣка изъ какихъ-то своекорыстныхъ и злодѣйскихъ цѣлей, тѣмъ болѣе, что такіе прискорбные случаи оказываются возможными даже въ столь цивилизованной странѣ, какъ Англія, въ чемъ убѣждаетъ васъ извѣстный романъ Марка Твена «Въ тюрьмѣ». Еще болѣе признаю возможнымъ, что и безъ всякаго злодѣя во главѣ и какого-либо коварства, въ невѣжественной средѣ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, здороваго челоѣка могутъ признать помѣшаннымъ, и онъ такимъ образомъ попадаетъ въ закодированный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода, такъ какъ каждый шагъ его, слово перетолковываются въ пользу болѣзни, онъ же конфузится и терится подъ градомъ подозрительныхъ взглядовъ, устремленныхъ на него со всѣхъ сторонъ, дѣлаетъ и въ самомъ дѣлѣ разныя странности, которыхъ не дѣлалъ бы, если бы не находился въ такомъ положеніи, и поступки еще болѣе оправдываютъ и подтверждаютъ составившееся о немъ мнѣніе.

Представьте-же себѣ мое удивленіе, когда, прочтя повѣсть самъ, я не нашелъ въ ней ни того, ни другого. Андрей Ефимовичъ дѣйствительно попалъ въ ст-

исключенный домъ и кончилъ тамъ ужасной смертью, но это произошло вовсе не отъ коварства Хоботова, замышлявшаго избавиться такимъ образомъ отъ коллеги и занять его мѣсто, и съ другой стороны—во все не вслѣдствіе простофильства темныхъ обывателей города, принявшихъ здороваго человѣка за больного. Андрей Ефимычъ явился передо мной дѣйствительно далеко не въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, и въ самомъ авторѣ неизмѣримо въ большей степени, чѣмъ въ ничтожномъ Хоботовѣ, я усмотрѣлъ коварный замыселъ изобразить въ лицѣ Андрея Ефимыча именно психически-больного человѣка. Если-же онъ ввелъ читателей своихъ въ нѣкоторое заблужденіе, то это произошло отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, онъ слишкомъ объективировался, ни разу не промолвившись, какая основная мысль разсказа и какого мнѣнія онъ о своемъ героѣ, предоставляя читателямъ самимъ придти къ заключеніямъ, какія явствуютъ изъ повѣсти; и во-вторыхъ, въ лицѣ своего героя онъ представилъ душевно-больного, подверженнаго такого рода психической болѣзни, которая можетъ длиться десятки лѣтъ, не обнаруживаясь никакими явными и рѣзкими симптомами, и читатель, пробѣжавшій повѣсть не особенно внимательно, могъ совсѣмъ упустить изъ вида именно это обстоятельство.

Предполагая, что подобнаго рода читателей, въ родѣ моего пріятеля, можетъ быть много,—и повѣсть г. Чехова рискуетъ быть непонята и неопѣнена по своему значенію и достоинству, я намѣренъ немедленно-же приступить къ анализу главнаго героя его, Андрея Ефимовича.

II.

— Да, я боленъ. Но вѣдь десятки, сотни сумасшедшихъ гуляютъ на свободѣ, потому что ваше невѣжество неспособно отличить ихъ отъ здоровыхъ. Почему-же я и вотъ эти несчастные должны сидѣть тутъ за всѣхъ, какъ козлы отпущенія? Вы, фельдшеръ, смотритель и вся ваша больничная сволочь въ нравственномъ отношеніи неизмѣримо ниже каждаго изъ насъ, почему-же мы сидимъ тутъ, а вы нѣтъ? Гдѣ логика?

Такъ говорилъ доктору одинъ заведомо больной, содержащійся въ 6-й палатѣ, Иванъ Дмитріевичъ Громовъ, страдавшій много уже лѣтъ маніей преслѣдованія.

Вотъ въ этихъ словахъ сумасшедшаго и заключается, по моему мнѣнію, основная мысль повѣсти г. Чехова.

И дѣйствительно, взглядываясь въ нравственный и умственный міръ Андрея Ефимыча и затѣмъ въ тотъ полный разладъ, какой существовалъ между его теоріей и практикой жизни, мы выносимъ именно то тяжелое давящее чувство, какое производитъ на насъ зрѣлище душевно-больныхъ.

Прежде всего насъ поражаетъ страшное состояніе больницы, во главѣ которой стоялъ Андрей Ефимычъ.

«Въ палатахъ, коридорахъ и въ больничномъ дворѣ,—читаемъ мы,—тяжело было дышать отъ смрада. Больничные мужики, сидѣлки и ихъ дѣти спали въ тѣсныхъ вѣшалкахъ на балконахъ. Жаловались, что жить въ этой захламленной, грязной и шумной. Въ хирургическомъ отдѣленіи не переводилась рожа. На всю больницу было только два скальпеля и ни одного термометра, въ ваннахъ держали картофель. Смотритель, кастелянша и фельдшеръ грабили больныхъ, а про стараго доктора, предшественника Андрея Ефимыча, разсказывали, будто онъ занимался тайной продажей больничнаго спирта и завелъ себѣ изъ сидѣлки и больныхъ женщинъ цѣлый гаремъ. Въ городѣ отлично знали про эти безпорядки и даже преувеличивали ихъ, но относились къ нимъ спокойно; одни оправдывали ихъ тѣмъ, что въ больницу ложатся только мѣщане и мужики, которые не могутъ быть недовольны, такъ какъ дома живутъ гораздо хуже, чѣмъ въ больницѣ; не рябчиками же ихъ кормятъ! Другіе же въ оправданіе говорили, что одному городу безъ помощи земства не подъ силу содержать хорошую больницу; слава Богу, что хоть плохая есть. А молодое земство не открывало лѣчебницы ни въ городѣ, ни возлѣ, ссылаясь на то, что городъ уже имѣетъ свою больницу.»

Еще болѣе ужасающее впечатлѣніе производила палата № 6, гдѣ содержались душевно-больные. «Если,—разсказываетъ авторъ,—вы не боитесь ожечься о краницу, то пойдете по узкой тропинкѣ, ведущей къ флигелю, и посмотримъ, что дѣлается внутри. Отворивъ первую дверь, мы входимъ въ сѣни. Здѣсь у стѣны и около печки навалены цѣлыя горы больничнаго хлама. Матрацы, старые изодранные халаты, панталоны, рубахи съ синими полосками, нигуда негодная, истасканная обувь,—вся эта рвань свалена въ кучи, перемята, спуталась, гниетъ и издаетъ душадный запахъ. На хламѣ всегда съ трубкой въ зубахъ лежитъ сторожъ Никита, старый отставной солдатъ съ порыблыми нашивками. У него суровое испитое лицо, нависшія брови, придающая лицу выраженіе степной овчарки, и красный носъ; онъ невысокъ ростомъ, на видъ сухощавъ и жилистъ, но осанка у него внушительная и кулаки здоровые. Принадлежитъ онъ къ числу тѣхъ простодушныхъ, положительныхъ, исполнительныхъ и тупыхъ людей, которые больше всего на свѣтѣ любятъ порядокъ и потому убѣждены, что *ихъ* надо бить. Онъ бьетъ по лицу, по груди, по спицѣ, по чѣмъ попало, и увѣренъ, что безъ этого не было бы здѣсь порядка. Датѣе вы входите въ большую, просторную комнату, занимающую весь флигель, если не считать сѣней. Стѣны здѣсь вымазаны грязно-голубой краской, потолокъ закопченъ, какъ въ курной избѣ,—ясно, что здѣсь зимой дымятъ печи и бываетъ угарно. Окна изнутри обезображены желѣзными рѣшетками. Полъ сѣръ и занозистъ. Воняетъ кислой капустой, фитильной гарью, клопами и аммиакомъ, и эта вонь въ первую минуту производитъ на васъ такое впечатлѣніе, какъ будто вы входите въ звѣринецъ.»

Читая это ужасающее описаніе больницы, правда, въ захолустномъ городкѣ, за 100 верстъ отстоящемъ отъ желѣзной дороги, вы начинаете понимать, отчего простой народъ питаетъ къ больницамъ такой паническій ужасъ.

А что же дѣлалъ стоявшій во главѣ больницы нашъ почтеннѣйшій Андрей Ефимовичъ? Какъ могъ допустить онъ, чтобы вѣтренное ему заведеніе обратилось въ какой-то хлѣвъ, исполненный смрада и тлѣнія?

Оттого-то и допускалъ и терпѣлъ онъ всѣ эти безобразія, что былъ вполнѣ душевно-больной человѣкъ. Въ самой внѣшности своей представлялъ онъ собою странное раздвоеніе и диссонансъ: наружность у него была тяжелая, грубая, мушкетерская; онъ напоминалъ трактирщика на большой дорогѣ, раздѣвавшегося, не-возможнаго и грубого. Лицо суровое, побитое синими жилками, глаза молчаливые, вѣсъ серьезный. При этомъ ростъ и широкія плечи, у него были

пропорціональныя имъ, какъ-то, вѣроятно, и у другихъ, духъ воли. И въ этой грубой, но сильной

ружности поступь у него была тихая и походка осторожная, вкрадчивая; при встрѣчѣ въ узкомъ корридорѣ онъ всегда первый останавливался, чтобы дать дорогу, и не басомъ, какъ ждали, а тихимъ, мягкимъ теноркомъ говорилъ: «виновать». Въ то же время отбывалъ съ небрежностью именно душевно-больного: одну и ту же пару таскалъ лѣтъ по десяти, а новая одежда, которую онъ обыкновенно покупалъ въ жиновской лавкѣ, казалась на немъ такой же поношенной и помятой, какъ старая; въ одномъ и томъ же сюртукѣ онъ и больныхъ принималъ, и обѣдалъ, и въ гости ходилъ, и все это не изъ скупости, а отъ полного невниманія къ своей наружности.

Такой же диссонансъ и разладъ замѣчался и во всемъ его характерѣ, равно и въ строѣ жизни его. Прежде всего васъ поражаетъ въ немъ полное отсутствіе воли, — одинъ изъ весьма существенныхъ признаковъ психическаго расстройства. Онъ чрезвычайно любилъ умъ и честность, но, чтобы устроить около себя жизнь умную и честную, у него не хватало характера и вѣры въ свое право. Приказывать, запрещать и настаивать онъ положительно не умѣлъ. Казалось, онъ далъ обѣтъ никогда не возвышать голоса и не употреблять повелительнаго наклоненія. Сказать «дай» или «принеси» ему было трудно; когда ему хотѣлось ѣсть, онъ нерѣшительно покашливалъ и говорилъ кухаркѣ: «Какъ бы мнѣ чаю...» или: «Какъ бы мнѣ пообѣдать». Сказать же смотрителю, чтобы онъ пересталъ браться, или прогнать его, или совсѣмъ упразднить эту ненужную паразитную должность — для него было совершенно не подъ силу. Когда обманивали Андрея Ефимыча или льстили ему, или подносили для подписи заведомо подлый счетъ, онъ краснѣлъ, какъ ракъ, и чувствовалъ себя виноватымъ, но счетъ все-таки подписывалъ; когда больные жаловались ему на голодь или на грубыхъ сидѣлокъ, онъ конфузился и виновато бормоталъ: «хорошо, хорошо, я разберу послѣ... Вѣроятно тутъ недоразумѣніе...».

При такомъ феноменальномъ безволіи Андрей Ефимычъ, принявъ должность, отнесся къ больничнымъ безпорядкамъ равнодушно. Онъ попросилъ только больничныхъ мужиковъ и сидѣлокъ не чечевать въ палатахъ и поставилъ два шкафа съ инструментами. — Смотритель же, кастелянша, фельдшеръ и хирургическая рожка остались на своихъ мѣстахъ. Въ первое время Андрей Ефимычъ работалъ очень усердно: принималъ ежедневно съ утра до обѣда, дѣлалъ операции и даже занимался акушерскою практикой.

Даже говорили про него, что онъ внимателенъ и отлично угадываетъ болѣзни, особенно дѣтскія и женскія. Но съ теченіемъ времени дѣло прискучило ему относимымъ и очевидной бесполезностью. Сегодня принималъ 30 больныхъ, а завтра, глядишь, привалило пѣхъ 35. послѣ-завтра — 40, и такъ изо дня въ день, пѣхъ года въ годъ, а смертность въ городѣ не уменьшается, и больные не перестаютъ ходить... Да и къ чему мѣшать людямъ умирать, если смерть есть нормальный и законный конецъ каждаго? Если же впасть пѣхъ меланхолически въ томъ, что дѣлательство облегчаетъ страданія, то вѣжливо запрашивается вопросъ: зачѣмъ ихъ облегчать? Во-первыхъ, говорятъ, что

страданія ведутъ человѣка къ совершенству, а во-вторыхъ, если человечество въ самомъ дѣлѣ научится облегчать свои страданія капсюлями и каплями, то оно совершенно заброситъ религію и философію, въ которыхъ до сихъ поръ находило не только защиту отъ всякихъ бѣдъ, но даже счастье. Пушкинъ передъ смертью испытывалъ страшныя мученія; бѣдняжка Гейне нѣсколько лѣтъ лежалъ въ параличѣ; но почему же не поболѣть какому-нибудь Андрею Ефимычу или Марентѣ Савишѣ, жизнь которыхъ безсодержательна и была бы совершенно пуста и похожа на жизнь амебы, еслибы не страданія? Полаваемымъ такими разсужденіями, Андрей Ефимычъ опустилъ руки и сталъ ходить въ больницу не каждый день.

И къ довершенію контраста этотъ опустившій руки байбакъ, этотъ безвольный субъектъ, предоставившій несчастныхъ больныхъ, ввѣренныхъ его попеченіямъ, на руки изверговъ, выражался очень часто, что «на этомъ свѣтѣ все незначительно и неинтересно, кромѣ высшихъ духовныхъ проявленій человѣческаго ума. Умъ проводить рѣзкую грань между животнымъ и человѣкомъ, намекаетъ на божественность послѣдняго и въ нѣкоторой степени даже замѣняетъ ему безсмертіе».

И вотъ, въ силу этого убѣжденія, что ничего нѣтъ выше духовныхъ проявленій человѣческаго ума, докторъ всю жизнь только и дѣлалъ, что философствовать, при чемъ философія его была совершенно особеннаго рода, специфическая философія русскихъ безвольныхъ людей, и неуѣдомыхъ, и не желающихъ относиться къ жизни активно. Въ одномъ мѣстѣ авторъ устами одного сумасшедшаго субъекта прекрасно характеризуетъ эту русскую философію такими словами:

«— Во всю жизнь до васъ никто не дотронулся пальцемъ, никто васъ не задумывалъ, не забывалъ: здоровы вы, какъ быкъ. Росли вы подъ крылышкомъ отца и учились на его счетъ, а потомъ сразу захватили спячку. Больше двадцати лѣтъ выжили на бесплатной квартирѣ, съ отопленіемъ, съ освѣщеніемъ, съ прислугой, имѣя притомъ право работать, какъ и сколько вамъ угодно, хотя бы ничего не дѣлать. Отъ природы вы человѣкъ лѣнивый, рыхлый, и потому старались складывать свою жизнь такъ, чтобы васъ ничто не беспокоило и не двигало съ мѣста. Дѣла вы сдѣлали фельдшеру и прочей сволочи, а сами сидѣли въ теплѣ, да въ тишинѣ, копили деньги, книжки покупали, усаживали себя размышленіями о разной возвышенной чепухѣ и выливахомъ. Однимъ словомъ, жизни вы не видѣли, не знаете ея совершенно, а съ дѣйствительностью знакомы только теоретически. А презираете вы страданія и ничему не удивляетесь по очень простой причинѣ: суета суетъ, вѣншее и внутреннее, презрѣніе къ жизни, страданіямъ и смерти, уразумѣнію, истинное благо, — все это философія, самая подходящая для русскаго лежебока. Видите вы напричѣтъ, какъ мужикъ бьетъ жену. Зачѣмъ вступаться? Пусть бьетъ, все равно оба помрутъ рано или поздно, а бывшій къ тому же оскорбляется побоями не того, кого бьетъ, а самого себя. Пьянствовать глупо, неприлично, но пить — умирать и не пить — умирать. Приходить баба, зубы болятъ... Ну, что-жъ? Боль есть, представлено о боли, и къ тому же безъ болѣзни не проживешь на этомъ свѣтѣ, всѣ помремъ, а потому ступай баба, прочь, не мѣшай мнѣ мыслить и водку пить. Молодой человѣкъ проситъ совета, что дѣлать, какъ жить: прежде чѣмъ отвѣтитъ, другой бы задумался, а тутъ уже готовъ отвѣтъ: стремись къ истинному или къ истинному благу. А что такое это бла-

тастическое «истинное благо»? Ответа нѣтъ конечно. Насъ держать здѣсь за рѣшеткой, гноять, истязуютъ, но это прекрасно и разумно, потому что между этою палатою и теплымъ уютнымъ кабинетомъ нѣтъ никакой разницы. Удобная философія: и дѣлать нечего, и совѣсть чиста, и мудрецомъ себя чувствуешь... Нѣтъ, сударь, это не философія, не мышление, не острота взгляда, а лишь факирство, сонная одурь... Да!.. Страданія презираете, а, небось, прищепи вамъ дверью палецъ, такъ заорете во все горло!..»

Неправда ли, сколько глубокой правды въ этихъ словахъ сумасшедшаго и какой прекрасный ключъ даютъ они намъ въ уразумѣнію причины появленія въ нашемъ обществѣ толстовщины и тому подобныхъ поморощенныхъ ученій? Все это оказывается прямымъ порожденіемъ нашей безволивости, пассивности, разгильдяйства, — словомъ всероссійской обломовщины.

Такъ вотъ какимъ является передъ нами герой разсказа г. Чехова въ своемъ ежедневномъ обиходѣ. Теперь мы посмотримъ, какъ изъ едва замѣтныхъ симптомовъ развилась въ немъ психическая болѣзнь, доведшая его до сумасшедшаго дома.

III. (VI)

Я уже говорилъ выше, что основная идея повѣсти г. Чехова заключается въ томъ, «что десятки, сотни сумасшедшихъ гуляютъ на свободѣ, потому что наше невѣжество не способно отличить ихъ отъ здоровыхъ».

Идея эта вполне наглядно выражается въ той параллели, какую провелъ авторъ между двумя главными своими героями: однимъ заведомо сумасшедшимъ, и потому содержащимся въ палатѣ № 6, Иваномъ Дмитриевичемъ Грозовымъ, другимъ — знакомымъ уже намъ докторомъ Андреемъ Ефимовичемъ Рагинымъ.

Несмотря на то, что оба эти душевно-больные значительно отличались одинъ отъ другого характеромъ своихъ недуговъ: у одного была манія преслѣдованія, у другого — атрофія воли съ наклонностью къ идіотизму вслѣдствіе алкоголизма, — оба они схожались въ одномъ, именно, что, будучи душевно-больными, пользовались продолжительное время свободой, пока, наконецъ, не обнаружили своихъ недуговъ въ такихъ рѣзкихъ проявленіяхъ, которыя обратили на себя вниманіе всѣхъ ихъ окружающихъ. Грозовъ былъ сынъ чиновника. Онъ учился уже въ университетѣ, когда старикъ-отецъ его былъ отданъ подъ судъ за подлогъ и растраты и вскорѣ умеръ въ тюремной больницѣ отъ тифа, а старшій братъ Сергій умеръ въ скоротечной чахоткѣ. Иванъ Дмитриевичъ съ матерью остался безъ всякихъ средствъ. Боясь съ нищетой, онъ палъ духомъ, захворѣлъ и, бросивъ университетъ, уѣхалъ домой. Дома, въ городѣ, выучился на протекіи мѣсто учителя въ уѣздномъ училищѣ, но не сошлся съ товарищами, не понравился ученикамъ и скоро бросилъ мѣсто. Умерла мать. Онъ съ малюхою дочкою бѣлъ убитъ, питался только чаемъ и водой, спалъ въ углу въ сумасшедшемъ домѣ.

Онъ и въ самомъ сумасшедшемъ домѣ не признавалъ никакихъ порядковъ, вѣща была бѣготой, тутъ, тамъ — протестъ, какъ бы, тутъ — плачъ.

Отъ одной рюмки вина у него кружилась голова и дѣлалась истерика. Благодаря раздражительности и мнительности, онъ съ людьми близко не сходилъ и друзей не имѣлъ. О чемъ съ ними ни заговори, онъ все сводилъ къ одному: въ городѣ душно и скучно жить, у общества нѣтъ высшихъ интересовъ, оно ведетъ тусклую, безмысленную жизнь, разнообразя ее насиліемъ, грубымъ развратомъ и лицемеріемъ; подлецы сыты и одѣты, а честные питаются крохами и пр. Въ сужденіяхъ о людяхъ человечество дѣлилось у него на честныхъ и подлецовъ; середины не было. О женщинахъ и любви онъ всегда говорилъ страстно, съ восторгомъ, но ни разу не былъ влюбленъ. Все свободное время онъ проводилъ въ чтеніи: все, бывало, сидитъ въ клубѣ, нервно тербитъ бородку и перелистываетъ журналы и книги; и по лицу его видно, что онъ не читаетъ, а глотаетъ, едва успѣвъ разжевать; при чемъ онъ съ одинаковой жадностью набрасывался на все, что попадало ему подъ руки, даже на прошлогодні газеты и календари. (VII)

Какъ видите, Грозовъ былъ человѣкъ, правда, не безъ странностей, но не обнаруживалъ ничего такого, вслѣдствіе чего его могли бы заподозрить въ наклонности къ душевной болѣзни. Такихъ людей вы встрѣтите на каждомъ шагѣ, и они мирно проживаютъ весь вѣкъ, считаясь вполне нормальными и здоровыми.

Но вотъ однажды утромъ онъ пробирался къ какому то мѣшанину, чтобы получить по исполнительному листу. Настроеніе у него было мрачное, какъ всегда по утрамъ. Въ переулкѣ встрѣтились ему два арестанта въ кандалахъ и съ ними четыре конвойныхъ съ ружьями. Всегда подобныя встрѣчи возбуждали въ немъ чувство состраданія и невольности; теперь же онъ ощутилъ особенное, странное впечатлѣніе. Ему вдругъ почему-то показалось, что его также могутъ заковать въ кандалы и вести по грязи въ тюрьму. Возвращаясь домой, онъ встрѣтилъ знакомаго полицейскаго, который поздоровался съ нимъ и прошелъ нѣсколько шаговъ, и почему то это показалось ему подозрительнымъ. Дома цѣлый день у него не выходили изъ головы арестанты и солдаты съ ружьями, и непонятная душевная тревога мѣшала ему читать и сосредоточиваться. Вечеромъ онъ не зажигалъ у себя огня, а ночью не спалъ, а все думалъ о томъ, что его могутъ арестовать, заковать и посадить въ тюрьму. Онъ не зналъ за собой никакой вины, но развѣ трудно совершить преступленіе нечаянно, невольно, и развѣ невозможна клевета, наконецъ, судебная ошибка? Люди, имѣющие служебное, дѣловое отношеніе къ чужому страданію, — судьи, полицейскіе, врачи, закаляются до того, что хоть-ли-бы, да не могутъ относиться къ элементамъ иначе, какъ формально. При такомъ же отношеніи, чтобы невиннаго человѣка лишитъ всѣхъ правъ и присудитъ къ каторгѣ, судья нужно только время на соображеніе въ-вѣчныхъ формальностей. Или потому, стремимости въ каменномъ, грязномъ городишкѣ за цѣлѣю вѣсть отъ желѣзной дороги!

Утромъ Грозовъ поднялся съ постели въ ужасѣ, съ невыносимымъ страхомъ въ душѣ, обливаясь холоднымъ потомъ, что его могутъ арестовать и посадить въ тюрьму.

ранняя тяжелая мысль так долго не оставляют его. — думает он. — то значить въ нихъ есть доля правды. Не могли же онѣ придти въ голову безъ всякаго повода? Городовой кстати прошелъ мимо оконъ: что не даромъ. Вотъ два человѣка оставались около дома и молчать. Почему они молчатъ?

Для Ивана Дмитрича наступили мучительные дни и ночи. Всѣ проходившіе мимо оконъ и входившіе во дворъ казались шпионами и сыщиками. Онъ вздрагивалъ при всякомъ звонкѣ и стукѣ въ ворота, томился, когда встрѣчалъ у хозяйки новаго человѣка; при встрѣчѣ съ полицейскими и жандармами онъ улыбался и посвистывалъ, чтобы казаться равнодушнымъ. Онъ не спалъ всѣ ночи на-пролетъ, ожидая ареста, но громко храпѣлъ и вздыхалъ, какъ сонный, чтобы хозяйкѣ казалось, что онъ спитъ; вѣдь если не спитъ, значить, его мучаютъ угрызения совѣсти — какая улыбка! Факты и зрѣвыя начала убѣждали его, что всѣ эти страхи — вздоръ, психопатія; но чѣмъ умнѣй и логичнѣй онъ разсуждалъ, тѣмъ сильнѣй и мучительнѣй становилась душевная тревога. Въ концѣ-концовъ, видя, что это бесполезно, онъ совсѣмъ бросилъ разсуждать и весь отдался отчаянію и страху.

Онъ сталъ уединяться и избѣгать людей. Служба, всегда противная для него, стала теперь невыносима. Онъ боялся, что его подведутъ, положить ему неумышленно въ карманъ взятку и потомъ уличать, или онъ самъ сдѣлаетъ ошибку, равносильную подлогу, потеряетъ чужія деньги. Странно, что никогда въ другое время мысль его не была такъ гибка и изобрѣтательна, какъ теперь, когда онъ выдумалъ тысячу разнообразныхъ поводовъ опасаться за свободу и честь. Но зато значительно ослабѣлъ интересъ къ вѣшнему міру, къ книгамъ, и стала сильно измѣняться память. Но и въ такомъ, явно уже ненормальномъ состояніи разсужда Громовъ могъ прожить всю жизнь, не обративши на себя ничьего вниманія, сойдя за человѣка, хотя и нѣсколько мнительнаго, но совершенно здороваго. Люди такъ углублены въ свои собственные интересы и заботы, такъ мало наблюдательны и внимательны къ своимъ ближнимъ, что необходимо, чтобы ближній проявилъ себя въ какомъ-нибудь поступкѣ, выходящемъ изъ уровня жизни и кричащемъ, чтобы они обратили на него вниманіе. Въ большинствѣ-же случаевъ они руководствуются въ своихъ сужденіяхъ первою, неизвѣстно кѣмъ цушенной, молвой, сплетней, не давая себѣ труда вникать, насколько эта молва-сплетня заслуживаетъ довѣрія.

Я встрѣчалъ по крайней мѣрѣ много совершенно подобныхъ Громову, одержимыхъ маніей преслѣдованія, людей, которыхъ никому не приходило въ голову признавать за душевно-больныхъ. Здравомыслящіе люди вступала съ ними въ серьезные споры, стараясь то разсвѣять ихъ описанія относительно мнимаго ареста, то разубѣдить, что XX вовсе не шпионъ; другіе обижались, когда подозрѣнія больного обращались противъ нихъ. Такъ же точно и Громовъ могъ бы прожить годы въ своихъ безумныхъ грезахъ, и никто не обратилъ бы на него вниманія, еслибы больная его не сдѣлала новыхъ шаговъ въ своемъ разнѣи и больной не проявилъ ей въ рядѣ поступковъ, совершенно уже несообразныхъ.

Весной, когда сошелъ снѣгъ, въ оврагѣ около кладбища нашли два полуистлѣвшихъ трупа — старухи и мальчика, съ признаками насильственной смерти. Въ городѣ только и разговора было, что объ этихъ трупахъ и неизвѣстныхъ убійцахъ. Иванъ Дмитріевичъ, чтобы не подумали, что это онъ убилъ, ходилъ по улицамъ и улыбался, а при встрѣчѣ со знакомыми блѣднѣлъ, краснѣлъ и начиналъ увѣрять, что нѣтъ подлѣе преступленія, какъ убійство слабыхъ, беззащитныхъ. Но эта ложь скоро утомила его, и, послѣ нѣкотораго размышленія, онъ рѣшилъ, что въ его положеніи самое лучшее — это спрятаться въ хозяйкинъ погребъ. Въ погребѣ просидѣлъ онъ день, потомъ ночь и другой день, сильно озябъ и, дождавшись потемокъ, тайкомъ, какъ воръ, пробрался къ себѣ въ комнату. До разсвѣта простоялъ онъ посреди комнаты, не шевелясь и прислушиваясь. Рано утромъ, до восхода солнца, къ хозяйкѣ пришли печники. Иванъ Дмитріичъ хорошо зналъ, что они пришли затѣмъ, чтобы перекладывать въ кухнѣ печь, но страхъ подсказалъ ему, что это полицейскіе, переодѣтые печниками. Онъ потихоньку вышелъ изъ квартиры и, охваченный ужасомъ, безъ шапки и сюртука побѣжалъ по улицѣ. За нимъ съ лаемъ гнались собаки, кричалъ гдѣ то позади мужикъ, въ ушахъ свисталъ воздухъ, и Ивану Дмитріичу казалось, что наслѣіе всего міра скопилось за его спиной и гонится за нимъ.

Его задержали, привели домой и послали хозяйку за докторомъ. Докторъ прописалъ холодныя примочки на голову и лавровишневые капли, грустно покачалъ головой и ушелъ, сказавъ хозяйкѣ, что больше онъ уже не придетъ, потому что не слѣдуетъ мѣшать людямъ сходить съ ума. Такъ какъ дома не на что было жить и лѣчиться, Ивана Дмитріича отправили въ больницу и положили его тамъ въ палатѣ для венерическихъ больныхъ. Онъ не спалъ по ночамъ, капризничалъ и беспокоилъ больныхъ, и скоро, по распоряженію Андрея Ефимовича, былъ переведенъ въ палату № 6. Черезъ годъ въ городѣ уже совершенно забыли про Ивана Дмитріича, и книги его, сваленныя хозяйкой въ сѣни подъ навѣсомъ, были растасканы мальчишками.

IV.

Мы успѣли уже нѣсколько познакомиться съ докторомъ Андреемъ Ефимовичемъ Рагинымъ, съ его безволіемъ, апатіей и полнымъ разладомъ словъ и дѣлъ. Ко всему этому остается прибавить лишь, что все свободное отъ посѣщеній больницы время (а мы видѣли, какъ рѣдко посѣщалъ онъ больницу), онъ проводилъ въ чтеніи, при чемъ черезъ каждые полчаса выпивалъ по рюмкѣ водки, закусывая ее соевымъ огурцомъ или моченымъ яблокомъ. По вечерамъ-же водка замѣнялась пивомъ. И такъ продолжалось изо дня въ день въ теченіе двадцати лѣтъ. Согласитесь, что такое систематическое отравленіе спиртомъ безъ малѣйшихъ перерывовъ не могло остаться безслѣднымъ и не подѣйствовало на умственныя способности, хотя бы отъ природы человекъ не былъ расположенъ къ душевнымъ болѣзнямъ.

И рѣчь мало-по-малу водка въ соединеніи съ пивомъ на столько отуманили мозгъ несчастнаго, что

То же самое можем мы сказать и о новом произведении г. Чехова «Разсказъ неизвестнаго человека». И здѣсь въ свою очередь г. Чеховъ нигдѣ не высказываетъ прямо своихъ идеаловъ, но онъ предоставляет намъ ихъ чувствовать сквозь тѣ отрицательныя, мрачныя краски, какими изображаетъ печальныя явленія нашей жизни.

Произведение это, по моему мнѣнію, особенно счастливо въ томъ отношеніи, что оно болѣе, чѣмъ всѣ предыдущія, способно разсѣять вышеозначенное недоразумѣніе, если только читатель сумѣетъ взглянуть на него вполне безпристрастными глазами. Въ разсказѣ своемъ авторъ рисуетъ передъ нами въ самомъ ужасномъ и отвратительномъ видѣ именно людей, которые отрицаніе всякихъ идеаловъ возвели въ особеннаго рода культъ, гордятся и тщеслаятся ими, какъ чѣмъ-то въ высшей степени разумнымъ, послѣднимъ словомъ прогресса. А рядомъ съ подобными чудовищами рисуются передъ нами люди иной категоріи, которые, напротивъ того, очень дорожатъ идеалами, всеми силами души своей стремятся къ ихъ осуществленію, но такъ они несовершенны жизнью и средой, такъ дрябла, дрянна и ничтожна ихъ натура, что всѣ попытки осуществленія идеаловъ ничего не приносятъ имъ, кромѣ горькаго сознанія своей несостоятельности, отчаянія и смерти.

Въ общемъ получается картина не менѣе мрачная и злобная, чѣмъ в та, какую мы имѣемъ въ «Палатѣ № 6», — но опять-таки развѣ могъ-бы изобразить такую страшную картину художникъ, который самъ-бы не имѣлъ въ душѣ своей никакихъ идеаловъ? Развѣ у художника-фотографа, который изображаетъ первое, что попадается ему на глаза, не важна въ значеніе изображаемыхъ явленій, можетъ быть такъ глубоко осмыслена каждая страница, какъ это мы видимъ въ разсказѣ г. Чехова? III.

Картина, изображенная г. Чеховымъ въ своемъ разсказѣ, производитъ на васъ тѣмъ болѣе страшное впечатлѣніе, что вы имѣете дѣло здѣсь не съ какимъ-нибудь захолустнымъ городкомъ, а съ столичной цивилизаціей, дающей тонъ всей Россіи. Во главѣ разсказа стоитъ въ видѣ героя такой же

Варшавскій
Публикация

разсказъ — по частному
вар-ру.

тербургскій бюрократъ, сынъ извѣстнаго государственнаго чловѣка, Григорій Ивановичъ Орловъ. Ему было 35 лѣтъ. Наружность у него была петербургская: узкія плечи, длинная талія, впады виски, плоскія щеки, глаза неопредѣленнаго цвѣта и скудная, тускло окрашенная растительность на головѣ, бородѣ и усахъ. Лицо у него было холерное, лощеное, потертое и неприятное. Особенно неприятно оно было, когда онъ задумывался или спалъ. Когда Орловъ брался за газету или книгу, какая-бы она ни была, или-же встрѣчался съ людьми, кто-бы они ни были, то глаза его начинали проницательно улыбаться и все лицо принимало выраженіе легкой, незлой насмѣшки. Передъ тѣмъ какъ что-нибудь прочесть или услышать, у него всякій разъ была уже наготовѣ иронія, какъ шить у дикаря, ожидающаго, что въ него себѣчасъ выстрѣлятъ. Это была иронія привычная, воспитанная годами, и въ послѣднее время она показывалась на лицѣ вѣроятно уже безо всякаго участія воли, а какъ-бы по рефлексу...

Въ первомъ часу онъ съ выраженіемъ ироніи бралъ свой портфель, набитый бумагами, и уѣзжал на службу. Обѣдалъ онъ не дома и возвращался послѣ восьми. Лакей его (который, какъ увидимъ ниже, является не простымъ лакеемъ, а своего рода героемъ) зажигалъ въ кабинетѣ лампу и свѣчи, а онъ садился въ кресло, протягивалъ ноги на стулъ и, развалившись такимъ образомъ, начиналъ читать. Почти каждый день онъ привозилъ съ собой или ему присылали изъ магазиновъ новыя книги, и въ лакейской въ углахъ и подъ кроватью лежало множество книгъ на трехъ языкахъ, не считая русскаго, уже прочитанныхъ и брошенныхъ. Читалъ онъ съ необыкновенной быстротой. Сегодня прислали изъ магазина книгу Листовъ въ двадцать, а завтра ужъ она лежить обрѣзанная на столѣ, и Орловъ излагаетъ пріятелямъ ея содержаніе. Говорятъ: скажи мнѣ, что ты читаешь, и я скажу тебѣ, кто ты. Это быть можетъ и правда, но судить объ Орловѣ по тѣмъ книгамъ, какія онъ читалъ, было очень затруднительно. То была какая-то каша, а не чтеніе. Онъ читалъ и философію, и французскіе романы, и политическую экономію, и финансы, и новыхъ поэтовъ, и изданія «Посредника», — и все одинаково, съ тѣмъ-же ироническимъ выраженіемъ.

Послѣ десяти часовъ онъ тщательно одѣвался, часто во фракъ, очень рѣдко въ свой камеръ-юнкерскій мундиръ, и уѣзжалъ изъ дому. Возвращался подъ утро...

У насъ принято подъ нравственнымъ растлѣніемъ и развратомъ подразумѣвать непременно что-то ужасное и мелодраматическое, — непременно рядъ излѣпствъ и безобразныхъ оргій, противоестественные вероки, способность на самыя возмутительныя подлости, преступленія, злодѣяства и т. п. Ничего подобнаго въ Орловѣ не замѣчалось. Онъ имѣлъ видъ во всѣхъ отношеніяхъ чловѣка умѣннаго, аккуратнаго, солиднаго, у котораго себѣское романтичество не ограничивалось однимъ покроемъ платья и изысканными манерами, но проводилось во всѣхъ мелочахъ повседневной жизни. Про него нельзя было даже сказать то, что авторъ говоритъ обо всѣхъ во-

обще петербургскихъ жуирахъ, что они любятъ поговорить о своихъ необыкновенныхъ вкусахъ. «Иной солидный жуиръ превосходно довольствуется ласками своей кухарки или какой-нибудь несчастной, гуляющей по Невскому, но пощупать его, такъ онъ зараженъ всѣми пороками Востока и Запада, состоитъ почетнымъ членомъ цѣлаго десятка тайныхъ, предосудительныхъ обществъ и уже на замѣчаніи у полиціи».

Орловъ чуждъ былъ даже и подобнаго платоническаго разврата. Нравственная испорченность его была иного, болѣе утонченнаго характера, тѣмъ болѣе страшнаго, что она имѣла вполне приличную и даже изысканную вѣжливость. Она не была лишена своего рода свободомыслія, жажды независимости и рациональныхъ взглядовъ, повидимому самаго новѣйшаго чекава.

Такъ, онъ никогда не держалъ у себя ни кухни, ни лошадей, потому что, какъ выражался, не любилъ «заводить у себя нечистоту», и слугъ терпѣлъ въ своей квартирѣ только по необходимости. Когда кто-нибудь заводилъ при немъ разговоръ о кухнѣ, дѣтской или супружеской спальнѣ, то онъ безгласно морщился, какъ будто въ самомъ дѣлѣ шла рѣчь о нечистотѣ. Такъ называемый семейный очагъ съ его обыкновенными радостями и дрягями оскорблялъ его вкусы, какъ пошлость; быть беременной или имѣть дѣтей и говорить о нихъ — это дурной тонъ, мѣшанство. На любовь у него былъ свой особенный взглядъ, который выражалъ онъ въ слѣдующихъ разсужденіяхъ.

— Я не тургеневскій герой, и если мнѣ когда-нибудь понадобится освободить Болгарію, то я не понадоблюсь въ дамскомъ обществѣ. На любовь я прежде всего смотрю, какъ на потребность моего организма, низменную и враждебную моему духу: ее нужно удовлетворять съ толкомъ или-же совсѣмъ отказаться отъ нея, иначе она внесетъ въ твою жизнь такіе-же нечистые элементы, какъ она сама. Чтобы она была наслажденіемъ, а не мученіемъ, и чтобы она не стѣсняла меня, я стараюсь дѣлать ее красивой и обставлю множествомъ всякихъ иллюзій. Я не поѣду къ женщинѣ, которую люблю, если заранѣе не увѣренъ, что застану ее во всемъ блескѣ красоты и изящества, что она будетъ нарядна, весела, остроумна, увлекательна; и самъ я ѣзжу къ ней только, когда бываю особенно въ ударѣ, когда я оживленъ, веселъ и расположенъ къ любовнымъ излияніямъ. И намъ обыкновенно всякій разъ удается обмануть другъ друга настолько, что мы расходимся въ самомъ радужномъ, даже поэтическомъ настроеніи. Такъ-то, душа моя. Но я не могу хотѣть мѣдныхъ кастрюлей и вѣчесанной головы или чтобы меня видели, когда я не умывъ и не въ духѣ.

Зинаида Федоровна (о которой будетъ у насъ рѣчь ниже) въ простотѣ сердца хочетъ заставить меня полюбить то, отъ чего я прятался всю свою жизнь. Она хочетъ, чтобы у меня въ квартирѣ пахло кухней и судомойками: ей нужно съ шумомъ перебираться на новую квартиру, разбѣзжать на своихъ лошадакахъ, ей нужно считать мое бѣлье и заботиться о моемъ здоровье; ей нужно каждую минуту вытираться въ мою личную прощальную жизнь и слѣдить за каждымъ моимъ шагомъ. И въ то-же время искренно утѣшать меня, что мои привычки и свобода останутся при мнѣ. Она убѣждена, что мы, какъ молочники, въ самомъ скоромъ времени совершимъ путешествіе, — что она хочетъ восточно-азиатскаго туръ, а я — не знаю, въ отдаленныя и жаркія тѣмъ же горныя страны, и терпѣть не могу расхолаживанія.

Общественныя убѣжденія Орлова въ свою очередь соединяли въ себѣ рядомъ съ великосвѣтскою брезгливостью изпѣженного дѣди пессимистическій индифферентизмъ извѣрившагося человѣка, которому все трепъ-грава.

— Высшій свѣтъ.—говорилъ онъ.—бранять всегда съ исключительной только цѣлью, чтобы противопоставить его тому свѣту, гдѣ живутъ купцы, попы, мѣщане и мужики, разные тамъ Сидоры и Никиты. Но чѣмъ-же этотъ свѣтъ, скажите на милость, лучше высшаго? Чѣмъ? Вѣдь та-же ложь кругомъ, та-же дикость, тѣ-же сплетни, парадъ, карты, пошлые разговоры и та-же скука. Оба свѣта одинаково великодушны, я бранить въ отдаленности тотъ или другой—значить прямо-таки лгать. Я вамъ прямо скажу: еслибы мнѣ предложили выбрать по совѣсти между тѣмъ и другимъ, то я, не задумываясь, остановился-бы на высшемъ, такъ какъ всѣ мои вкусы на его сторонѣ. Нашъ свѣтъ и пошлъ, и пустъ, но зато мы съ вами хотя порядочно говоримъ по-французски, кое-что почитываемъ и не толкаемъ другъ друга подъ мытники, даже когда сильно ссоримся, а у Сидоровъ, Никитъ и чухъ степенствъ—потрафилемъ, таперича, чтобы тебѣ повывѣзало и полная разнузданность кабацкихъ нравовъ и идолопоклонство.

— Мужикъ и купецъ кормятъ насъ,—возражалъ ему.

— Да, ну, такъ что-же? Это рекомендуетъ съ дурной стороны не меня только, но и ихъ также. Они кормятъ и ломаютъ передо мной шапку, значить у нихъ не хватало ума и честности поступать иначе. Я никого не браню и не хвалю, а только хочу сказать: высшій свѣтъ и низшій—оба лучше!..

Но весь ужасъ, вся бездна нравственного растлѣнія Орлова и ему подобныхъ представителей современнаго петербургскаго чиновничества заключаются въ той цинической ироніи, о которой мы говорили уже выше.—иронія, не знавшей границъ и ни передъ чѣмъ не останавливающейся. Иронія эта особенно разыгрывалась на журфиксахъ Орлова во время ужина въ его съ пріятелями Пекарскимъ, Грузинскимъ и Кукушкинымъ, такими-же, какъ и онъ, карьеристами и жупрами.

«О, если-бы вы знали.—читаемъ мы.—что это были за разговоры! Начиналось обыкновенно съ того, что Орловъ со смѣющимися глазами заводилъ рѣчь о какомъ-нибудь знакомомъ, о недавно прочитанной книгѣ, о новомъ назначеніи или проектѣ: дѣстивый, хихикавшій Кукушкинъ подхватывалъ въ тонъ и начиналась препротивная музыка. Иронія Орлова и его друзей не знала прѣдѣловъ и подобно больному волку, который на своемъ пути рветъ все—и людей, и солому, и камни.—не щадила никого и ничего. Говорили о религіи—иронія, говорили о философіи, о смыслѣ и цѣляхъ жизни—иронія, поднималъ-ли кто вопросъ о народѣ, его страданіяхъ, будущности—иронія. Въ Петербургѣ есть особая порода людей, которые специально занимаются тѣмъ, что вышучиваютъ каждое явленіе жизни: они не могутъ пройти мимо голоднаго или самоубійцы безъ того, чтобы не остроумить рожки и не сказать шутки. Но Орловъ и его пріятеля не шутили, а заправно было объяснять ихъ иронію то неискренностью, то великосвѣтскимъ бахвальствомъ. Они съ ироніей говорили, что Бога нѣтъ и со смертію личностей исчезаетъ совершенно безсмертные существа только во французской академіи. Истиннаго блага нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ наличность его обусловлена чуждымъ совершенствомъ, а послѣднее есть логическая нелѣпость. Россія такая-же скучная и убогая страна, какъ Персія. Интеллигентная бонапардистка, въ громадномъ большинствѣ состоящая изъ людей неспособныхъ и вникуда негодныхъ. На-

родъ-же спился, обтѣнился, изворовался и вырождается. Наука у насъ нѣтъ, литература неуклюжа, торговля держится на мошенничествѣ, «не обманешь—не продашь». И все въ такомъ родѣ.

«Отъ ужина къ концу ужина становились веселѣе и переходили ко всегдашнему и неисчерпаемому вопросу: о любви и женщинахъ. Начинали съ легких сплетенъ и шутокъ. Подсмѣивались надъ семейной жизнью Грузина, надъ побѣдами Кукушкина или надъ Пекарскимъ, у котораго, будто-бы, въ расходной книжкѣ была одна страничка съ заголовкомъ: *На обла благотворительности* и другая—*На физиологическую потребность*. Затѣмъ мало-по-малу переходили къ обобщеніямъ. По ихъ мнѣнію, основанному главнымъ образомъ на опытѣ Орлова, нѣтъ вѣрныхъ женъ: нѣтъ такой жены, отъ которой, при вѣкоторомъ навыкѣ, нельзя было-бы добиться ласкъ, въ самомъ грубомъ смыслѣ этого слова, не выходя изъ гостиной, въ то время, когда въ кабинетѣ сидитъ мужъ. Дѣвочки-подружки развращены и уже знаютъ все. Орловъ хранилъ у себя письмо одной четырнадцатилѣтней гимназистки: она, возвращаясь изъ гимназіи, «замарыжила на Невскомъ офицерика», который увелъ ее къ себѣ и отпустилъ только поздно вечеромъ, а она поспѣшила подѣлиться своими пострелами съ подружкой. Говорили за ужиномъ, что чистоты нравовъ не было никогда и нѣтъ ея, очевидно она не нужна; человечество до сихъ поръ прекрасно обходилось безъ нея. Вредъ-же отъ такъ-называемого разврата, несомнѣнно, преувеличенъ. Извращеніе, предусмотрѣнное въ нашемъ уставѣ о наказаніяхъ, не мѣшало Дюгену быть философомъ и учителемъ; Цезарь и Цицеронъ были развратники и въ то-же время великіе люди. Старикъ Катонъ имѣлъ неосторожность жениться на молоденькой, но все-таки продолжалъ считаться строгимъ постникомъ и блюстителемъ нравовъ»...

Такое передъ нами Орловъ, представляющій отнюдь не какое-либо исключеніе, рѣдко встрѣчающійся монстръ. Это типъ, весьма распространенный, могущій служить кличкой для значительнаго числа нашихъ современныхъ интеллигентовъ, особенно въ средѣ столичной бюрократіи. Отсутствіе всего святого и легкомысленное глумленіе надъ всѣмъ и вся,—такова преобладающая философія нашего современнаго бомонда. Дать мы посмотримъ, какъ проявляютъ себя современные носители высшихъ идеаловъ.

Nov. 8, 1893
VII. 1893, 8 апреля 1895

Базалось-бы, давнымъ-давно пора было-бы намъ привыкнуть къ тому, что наша литература, въ лучшихъ своихъ памятникахъ, занимается преимущественно отрицательными явленіями нашей жизни. Положительныя-же изображенія ей по большей части не удаются, выходятъ искусственны, ходульны или-же сентиментальны и слащавы. Такъ, не говоря уже о Правдинѣ и Стародумѣ комедій Фонвизина или о Штольцѣ Гончарова, даже и такія фигуры, какъ Чацкій въ «Горѣ отъ ума» или Ивсаровъ въ «Наканунѣ», нельзя сказать, чтобы представляли собой вѣчто безупречное и не были-бы мѣстами просто сдѣшны.

И между тѣмъ положительно не было еще въ нашей литературѣ такого крупнаго писателя, который не подвергался-бы упрекамъ въ отсутствіи идеаловъ, въ пессимизмѣ, въ клеветѣ то на молодое поколѣніе, то на всю русскую интеллигенцію, изъясненъ даже на всю Россію, вмѣстѣ взятую. На Гоголя смотрѣли, какъ на самаго эдакого кле-

ветника и пасквилянта, когда онъ написалъ «Ревизора», и повидному имѣли всѣ резоны къ тому. Помилуйте въ самомъ дѣлѣ: неужели наши провинціальныя города, даже хотя-бы самые захолустные, всѣ подъ-рядъ наполнены были въ эпоху Гоголя такими карикатурными уродами, какъ Сквозникъ-Дмухановскій, Тяпкинъ-Ляпкинъ, Добчинскій и Бобчинскій? Неужели такъ-таки и не было ни одного мало-мальски порядочнаго человека, свѣтлой личности, которую Гоголь былъ обязанъ вывести ради сохраненія равновѣсія и справедливаго безпристрастія? О Салтыковѣ и говорить нечего: о немъ критики не только противнаго лагеря, но и дружественные вопіяли, что у него не существуетъ никакихъ идеаловъ, а одинъ безпощадный смѣхъ, которымъ онъ готовъ все втоптать въ грязь, что угодно: и чужихъ, и своихъ, и правыхъ, и лѣвыхъ, что для краснаго словца онъ не пожалеетъ и отца... VIII.

Совершенно такія же обвиненія сыпятся по адресу г. Чехова. Такъ, по поводу послѣдняго произведенія г. Чехова одинъ юный критикъ прямо-таки съугуетъ:

«Ненастная осень царилла вѣроятно на петербургскихъ улицахъ, когда г. Чеховъ писалъ свой рассказъ; ненастная осень царилла и на душѣ у него. Чѣмъ-то дряблымъ, вялымъ и старческимъ вѣетъ отъ послѣдней вещи нашего молодого беллетриста, вѣетъ осенней сыростью и непогодой. Ни одного доброго слова, ни одной улыбки, ни одной сильной, энергической сцены — и это на протяжении цѣлыхъ пяти листовъ. Во время чтенія вамъ кажется, что мелкій назойливый дождикъ не перестаетъ дребезжать въ ваши окна, что тамъ, на сырой, грязной улицѣ, плетутся измокшія фигуры людей, что откуда-то издали доносятся стоны невыносимой муки. Ни красоты, ни силы; старческий маразмъ окрасилъ всѣ страницы въ однообразный сѣрый цвѣтъ, ненастная осень вступила въ свои права».

Читая эти строки, можно подумать, что изображение дурной, ненастной погоды и дрянныхъ людей — есть нѣчто, искусства вовсе не касающееся и предосудительное. А если писатель вздумалъ терзать читателя такими мрачными картинками, онъ обязанъ сейчасъ же взять батистовый платочекъ и отереть его слезки; изобразить осеннюю петербургскую слякоть и утѣшить его тотчасъ же картиной знойнаго лѣтнаго дня, изобразить отвратительнаго негодая и тутъ же рядомъ поставить писанаго красавца, сияющаго всѣми возможными добродѣтелями.

Но особенно становятся на дыбы наши критики и рецензенты, когда въ произведеніи они замѣчаютъ мало-мальски непочтительное отношеніе къ людямъ ихъ лагеря или категорій. Еще Гоголь сътовалъ, что стоить изобразить въ смѣшномъ видѣ титулярнаго совѣтника, и тотчасъ же всѣ титулярные совѣтники вломятся въ амбицію. То же самое мы видимъ и до сего дня. Стоить беллетристу изобразить въ смѣшномъ и нелѣпомъ видѣ либерала, — и тотчасъ же консерваторы рукоплещутъ, а либералы вламываются въ обиду и начинаютъ обвинять беллетриста въ измѣнѣ имъ, въ отсутствіи идеаловъ. При этомъ совершенно упускается изъ виду, что беллетристу и въ голову не приходило обобщать въ своемъ изображеніи всѣхъ либераловъ безъ исключенія и утверждать, что всѣ они таковы; конечно не менѣе критика осуждаютъ его, что есть среди либераловъ люди, достойные ува-

женія, во всѣхъ отношеніяхъ порядочные и прекрасные; если же изобразилъ онъ плохенькаго, то сдѣлалъ это вовсе не въ укоръ имъ, а для того чтобы выставить и подчеркнуть такой недостатокъ или уродство, какіе часто встрѣчаются въ обществѣ, вследствие тѣхъ или иныхъ условій жизни, въ средѣ людей всѣхъ лагерей и направленій. IX.

То же самое мы должны сказать и о г. Чеховѣ. Всѣ выведенные имъ герои — очень плохи и невыдерживаютъ самой снисходительной критики. Но мы не имѣемъ ни малѣйшаго права навязывать ему: хочешь, не хочешь, можешь не можешь, а во чтобы то ни стало давай намъ людей самыхъ что ни на есть идеальныхъ; ободряй насъ и утѣшай! Мы должны брать то, что даетъ намъ писатель, и дѣлать изъ представленнаго имъ матеріала тѣ выводы и заключенія, какія явствуютъ. Въ то же время не даемъ намъ никакого права г. Чеховъ предполагать, чтобы въ лицѣ Орлова онъ обобщалъ всѣхъ петербургскихъ администраторовъ безъ исключенія, въ лицѣ Зинаиды Федоровны — всѣхъ русскихъ или по крайней мѣрѣ столичныхъ женщинъ, и наконецъ чтобы «неизвѣстный человекъ» олицетворялъ въ себѣ всѣхъ людей одного съ нимъ образа мыслей. Мы можемъ только сказать, что въ лицѣ Орлова обобщено явленіе современной жизни, дѣйствительно замѣчательное и заслуживающее полного вниманія, — явленіе, встрѣчающееся нынѣ на каждомъ шагѣ и съ которымъ волей-неволей приходится считаться.

Но не слѣдуетъ въ свою очередь закрывать глаза и на такое вопіющее явленіе, какое изобразилъ г. Чеховъ въ лицахъ Зинаиды Федоровны и «неизвѣстнаго человека». — Явленіе это слишкомъ часто встрѣчается въ нашей жизни и имѣетъ слишкомъ большое значеніе въ ней, чтобы игнорировать его. Видѣть въ Зинаидѣ Федоровнѣ ничего болѣе, какъ экзальтированную бабенку, а въ «неизвѣстномъ человекѣ» — невращенника и кисляка, — значитъ смотрѣть на вещи крайне поверхностно и упускать изъ вниманія цѣлаго слона, а между тѣмъ въ слонѣ-то этомъ таится главная суть произведенія г. Чехова, и заслуживаетъ г. Чеховъ за этого слона большой благодарности, а не укоровъ въ томъ, зачѣмъ онъ насъ не утѣшаетъ и не ободряетъ.

X.

Слонъ, скрывающійся въ произведеніи г. Чехова, заключается въ слѣдующемъ: рядомъ съ Орловыми, съ этими по-истинѣ какими-то апокалипсическими чудовищами, нагло, дерзко и пинично отрицающими всякіе идеалы и смѣющимися надъ всѣмъ, что только можетъ быть въ человѣчествѣ святого, мы встрѣчаемъ въ нашей современной жизни очень много людей, которые повидному очень дорожатъ разными прекрасными идеалами, увлекаются ими, устраиваютъ себѣ изъ нихъ своего рода религиозный культъ; не ограничиваясь ихъ исповѣданіемъ, стремятся проводить ихъ и въ самой жизни. Чего, казалось бы, лучше? Но въ вѣсто этого культа и проводки идеаловъ въ жизнь, мы видимъ далеко нечего, а наоборотъ, вся дѣятельность подобнаго рода людей сводится къ нулю, — и все это происходитъ не отъ чьей-либо

какъ лишь оттого, что они не столько заботятся о достижении какой-либо материальной цѣли, объ утѣшности дѣла, сколько утѣшаются самимъ процессомъ дѣла, воображая, что въ этомъ процессѣ и заключается вся суть ихъ идеальности. Казалось-бы, не все-ли это равно: разъ человекъ увлекается процессомъ дѣла, то, думаетъ онъ или не думаетъ о цѣли, — процессъ самъ собой долженъ его куда-нибудь привести. Но въ томъ именно и разница, что, откинувъ вы цѣль, и самъ по себѣ процессъ ни къ чему привести не въ состоянн, обращается въ мертвую обрядность, гимнастическое упражненіе мускуловъ, шекотаніе нервовъ, минутное удовольствіе самолюбія и тщеславія. Человека радуетъ, что онъ дѣлаетъ нѣчто особенное, геройское, что не подѣ стаетъ рутинерамъ и пошлякамъ, и онъ утѣшается этимъ, совершенно не принимая въ расчетъ, будутъ-ли какіе-либо результаты его дѣятельности. Въ концѣ концовъ дѣйствительно никакихъ результатовъ и не оказывается, и не потому только не оказывается, что дѣлатель ихъ не предусматривалъ, а потому, что сама дѣятельность, являясь своего рода искусствомъ для искусства, поспѣ въ такомъ случаѣ самоотрешеній характеръ носящагося по воздуху мыльного пузыря, играющаго всѣми цвѣтами радуги и въ одно мгновеніе разлетающагося мелкой пылью. Еслибы носитель идеаловъ задался какой-либо опредѣленной и достижимой цѣлью, онъ, конечно, выбралъ-бы или изобрѣлъ и такіа средства, которыя ведутъ прямо или косвенно къ этой цѣли. Отсутствие-же цѣли освобождаетъ его и отъ изобрѣтенія какихъ-бы то ни было рациональных средствъ; является хватаніе за первое, что только подвертывается подъ руку и что только встрѣчается въ жизни; повторяется буквально то самое, чѣмъ грѣшилъ и Донъ-Кихотъ, который въ свою очередь стремился къ очень возвышеннымъ цѣлямъ, а на дѣлѣ боролся съ вѣтряными мельницами или стада барановъ принималъ за полчища сарацинъ.

Такихъ дилетантовъ-идеалистовъ мы встрѣчаемъ въ жизни на каждомъ шагу, ями у насъ хоть прудъ пруди. Они представляютъ собой вопиющее зло нашей жизни, чуть-ли не въ большей еще степени, чѣмъ Орловы, потому что послѣдніе играютъ въ открытую и по крайней мѣрѣ никогда не обманываютъ. Дилетанты-же, суя вамъ въ руку грязь подъ видомъ золота, способны исказить, испортить всякое дѣло. Какъ Зинаида Федоровна, такъ и «невѣстный человекъ» являются передъ нами именно подобнаго рода дилетантами своихъ излюбленныхъ идеаловъ.

Зинаида Федоровна принадлежала къ большому свѣту, была избѣжена и избалована жизнью, но тѣмъ не менѣе чувствовала себя глубоко несчастной. Авторъ не знакомилъ насъ съ ея прошлымъ, но изъ ея намековъ мы можемъ судить, какъ оно было дурно:

«Когда я напримѣръ думаю о прошломъ, — рассказываетъ она: — о своей тогдашней жизни... ну, о людяхъ вообще, то все это сливается у меня въ одно — въ образъ моей матери. Грубая, наглая, бездушная, фальшивая и къ тому-же еще морфинистка. Отецъ, слабый и безхарактерный, женился на моей матери изъ-за денегъ и вогналъ ее въ чахотку, а эту

вотъ, свою вторую жену, мою маму, любить страстно, безъ памяти... Натерѣлась я!»

Почти дѣвочкой выдали ее замужъ за престарѣлаго чиновника, окружили роскошью, комфортомъ. Все желанія и прихоти ея немедленно удовлетворялись. Но въставало въ ея жизни одно, и самаго главнаго для молодой женщины, — той истинной человеческой любви, которая заключалась-бы не въ одной чувственности, а въ духовной солидарности. Не найдя такой любви въ мужѣ, она начала искать ее на сторонѣ, и началась та преступная и отвратительная жизнь взаимныхъ обмановъ и лицемернаго притворства, какой довольствуются столь многія свѣтскія женщины. Но Зинаида Федоровна не могла довольствоваться постыднымъ извращеніемъ идеала семейной жизни и счастья. «Въ эти шесть лѣтъ, — рассказываетъ она о своемъ семейномъ адѣ, — сначала играть въ любовь и воображать, что она есть, потомъ обманывать другъ друга и каждую минуту дрожать отъ мысли, что не сумѣешь, краснѣть отъ того, что неискренно обманываешь, улыбаться, когда стыдно, и цѣловать, когда чувствуешь физическое отвращеніе, — и все это ради чего? Ради того, чтобы быть на хорошемъ счету у людей, мнѣніе которыхъ презираешь, ради того, чтобы ѣсть, пить, спать, паряжаться, говорить пошлости, чтобы не нарушать порядка, который установился только потому, что люди, подчинившіеся этому порядку, не знали, что такое истинная любовь, искренность, свобода...»

Вычитавши въ романахъ, что истинно идеальныя женщины не обманываютъ мужей, не лгутъ и не притворяются ради сохраненія привольной жизни въ пѣтѣ и роскоши, — а смѣло прерываютъ со всѣмъ прошлымъ и, пренебрегая свѣтскими предразсудками и сплетнями, открыто бросаютъ нелюбимыхъ мужей и устраиваютъ новую идеальную и свободную жизнь съ любимымъ человекомъ, — Зинаида Федоровна и рѣшилась послѣдовать этому идеалу. — «Нѣтъ, — рѣшила она: — пора, пора взяться за умъ и порвать навсегда съ этими людьми и порядками, иначе не увидашь, какъ пройдутъ лучшіе годы и тотъ-же кумиръ, которому ты служила, оглянется и насмѣливо покажетъ тебѣ языкъ!» Далѣе она сказала мужу, что любить другого и жить съ нимъ уже больше полугода, что это ея настоящий, законный мужъ, и она считаетъ долгомъ совѣсти сегодня-же переѣхать къ нему, несмотря ни на что, хотя бы въ нее стрѣляли изъ пушекъ!..

«— Нѣтъ выше блага, какъ свобода! — говорила она при этомъ: — вѣдь какая, подумаешь, нежность! Мы не даемъ никакой цѣны своему собственному мнѣнію, даже если оно умно, но дрожимъ передъ мнѣніемъ разныхъ глупцовъ и завѣдомыхъ негодяевъ. Я боялась чужого мнѣнія до послѣдней минуты, но какъ только послушалась самое себя и рѣшила жить по своему, глаза у меня открылись, и я увидѣла, что бояться было нечего. Я побѣдила свой глупый страхъ и теперь счастлива и всѣмъ желаю такого счастья!...»

Сказано и сдѣлано. И вдругъ кто-же оказался героемъ, ради котораго рѣшилась Зинаида Федоровна

на свой отчаянный шаг? Кого избрала она кукиром своего сердца, должностивызывавшим помочь ей осуществить ей идеал истинного и безупречного счастья семейной жизни? Орлова — того самого Орлова, который не иначе как с отиранием говорил о кастрюлях, вешенках и всех атрибутах семейной жизни и признавал любовь только как наслаждение чувственностью, облагоустроенное декорумом интимного излещества!.. Пусть-бы Зинаида Федоровна влюбилась в Вронского, в Молчалива, в какую-нибудь ничтожную мразь, — но Орлов, в качестве осуществителя идеала семейной жизни, эта такая ужасная прения, что трудно себя и представить, чтобы судьба могла надъ кѣм-нибудь посмѣяться болѣе жестоко!..

Какъ возникла любовь и сближеніе Зинаиды Федоровны съ Орловымъ, въ повѣсти не сказано. Во всякомъ случаѣ можно съ достовѣрностью предположить, что любовь эта имѣла вполне видъ зауряднаго великосвѣтскаго адюльтера и не шла далѣе. Не такой былъ человѣкъ Орловъ, чтобы прикидываться чѣмъ-то въ родѣ Инсарова или Лопухова и рисоваться передъ женщиной олицетвореніемъ новыхъ идеаловъ и спасителемъ ихъ отъ вѣа старыхъ и не любимыхъ мужей.

И вдругъ, не позаботившись сколько-нибудь позондировать любимаго человѣка относительно его взглядовъ на жизнь и людей вообще и на брачные идеалы — въ частности, хоть бы сговориться съ нимъ и условиться, — она взяла да и вагринула къ нему внезапно-негаданно со всѣмъ своимъ семейнымъ скарбомъ, сервизами и кастрюлями!..

Что же руководило ею въ такомъ необдуманно глупомъ поступкѣ, стоившемъ ей горькаго разочарованія, какъ не увлеченіе одной только эффектной красотой свободной любви и рѣшительнаго шага, безъ малѣйшаго принятія въ расчетъ раумной цѣлесообразности своего поступка. Казалось бы, что именно въ такомъ шекотливомъ дѣлѣ, какъ замѣна законнаго мужа незаконнымъ, — дѣлѣ, при условіяхъ нашей жизни, весьма рискованномъ и могущемъ очень легко в скомпрометировать женщину, и погубить ее, — каждая мало-мальски благоразумная и предусмотрительная женщина должна была бы заранѣе взѣснить всѣ шансы успѣшности роковаго шага и рѣшиться на него только въ такомъ случаѣ, еслибы была убѣждена не однимъ слѣпымъ увлеченіемъ страсти, но и голосомъ холоднаго разсудка, что можетъ положиться на человѣка, съ которымъ рѣшается соединиться, какъ на каменную гору. И вдругъ, — взяла и прѣхала, даже не осведомившись, желаетъ ли Орловъ принять ее въ качествѣ сожительницы. Что же это, какъ не одно увлеченіе процессомъ дѣла, не загадывая о завтрашнемъ днѣ? Зинаида Федоровна была увѣрена, что процессъ этотъ такъ красивъ самъ по себѣ, что не можетъ онъ не нравиться и Орлову, котораго увлеченная женщина надѣляла въ своемъ воображеніи всѣми вычитанными изъ книжекъ идеалами.

При этомъ очень вѣрно и тонко подмѣчаетъ г. Чеховымъ та замѣчательная черта, что, любясь и увлекаясь процессомъ разрыва со всѣмъ старымъ и вступленія въ новую, свободную и разумную жизнь, Зи-

наида Федоровна въ сущности оставалась все той же прежней избалованной свѣтской женщиной, выдрессированной не для какой-нибудь новой, а все для той же старой жизни. Такъ, проходя мимо зеркала, даже когда у нея были заплаканы глаза, она не могла удержаться, чтобы не взглянуть на себя и не поправить прически; все еще продолжала живо интересоваться нарядами и приходитъ въ восторгъ отъ своихъ покупокъ. Это какъ-то не шло къ ея искренней печали. Она, какъ сама говорила, навсегда порвала съ пошлымъ, ненавистнымъ свѣтомъ и въ самомъ дѣлѣ нигдѣ не бывала, кромѣ магазиновъ и своей старой гувернантки, а между тѣмъ зорко слѣдила за модой и шила себѣ дорогія платья. Для кого и для чего?

«Мнѣ особенно памятно, — пишетъ въ своемъ дневникѣ «неизвѣстный человѣкъ», — одно новое платье, сложное по замыслу, изысканное и, по моему, въ высшей степени безвкусное; портниха увѣрала, что оно прекрасно сидитъ и къ лицу, и что она сложена на рѣдкость. Это лишнее, не нужное платье стоило четырехъ рублей. Я вспоминалъ нашихъ поденщицъ, которыя за свой каторжный трудъ получаютъ по двугривенному въ день на своихъ харчахъ, и венеціанскихъ и бриссельскихъ кружевницъ, которымъ платятъ только по полуфранку въ день въ расчетъ, что остальное онѣ добудутъ разноромъ, и мнѣ было стыдно, неловко и я ненавидѣлъ Зинаиду Федоровну за то, что она, слушая портниху, краснѣла отъ удовольствія».

Но при всемъ этомъ Зинаида Федоровна все-таки заслуживаетъ всяческаго снисхожденія, если взять въ расчетъ, что она, какъ весьма многія женщины, была воспитана въ полномъ невѣдѣніи жизни и людей. Она была испорчена прежней своей жизнью, но и при самой этой испорченности все-таки сохранила душу живу и смутная чаянія иной, разумной и идеальной жизни. Она увлеклась однимъ процессомъ своего освобожденія и возрожденія, не вдумываясь глубоко въ цѣлесообразность послѣдствій, поступила крайне опрометчиво и безумно, и зато была жестоко наказана полнымъ разочарованіемъ въ любимомъ человѣкѣ. Но не бросимъ въ нее камень осужденія и простимъ въ ней ребенка, который кинулся въ омутъ, потянувшись за цвѣточкомъ, или бабочку, сгорѣвшую въ привлеченіи ея огнѣ.

Совѣтъ не таковъ былъ «неизвѣстный человѣкъ». Это былъ не мальчикъ, не вѣдающій, что творить, а мужъ, искушенный опытомъ жизни, прошедшій сквозь огонь и мѣдныя трубы. Отъ него мы въ правѣ требовать болѣе серьезнаго и осмысленнаго отношенія къ тому, что онъ дѣлаетъ. Посмотримъ же, какъ онъ себя проявляетъ.

XIII. VIII. 15 апр. н 102.

Казалось бы, не должно быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что истинная, высокая, чистая и святая любовь къ женщинѣ не только не заключаетъ въ себѣ чего-либо эгоистическаго, отвлекающаго человѣка отъ заботъ о ближнихъ, о благѣ родины, отъ законовъ чести и долга, а, напротивъ того, будитъ и возбуждаетъ всѣ дѣйствительныя высшаго порядка. Человѣкъ, загорающийся такой любовью, чувствуетъ такой высокій подъемъ духа, что у него яв-

зается неудержимое стремление совершить какой-нибудь подвиг и осветить им свое высокое чувство, показать себя достойным ожидаемого счастья и встать на высоту того идеала, во имя которого его полюбила. Въ чемъ же и заключается поэзія любви, какъ не во взаимномъ желаніи двухъ любящихъ существъ идти рука объ руку по пути правды и добра. Казалось бы, это и всегда такъ было, — и въ эпоху первыхъ вѣковъ христіанства, когда нерѣдко любовь вдохновляла молодыхъ мучениковъ мужественно выступать на арену цирка на растерзаніе львовъ и тигровъ, и въ средніе вѣка, когда избранныя дамы сердца побуждали благородныхъ рыцарей совершать чудеса храбрости, защищая обижаемыхъ и угнетаемыхъ, да и въ наше время любовь не перестаетъ зачастую играть не послѣднюю роль въ пробужденіи и припорираніи самыхъ высокихъ альтруистическихъ стремленій. Особенно это такъ на Западѣ. Я по крайней мѣрѣ, какъ ни стараюсь, никакъ не могу припомнить ни одного иностраннаго произведенія, въ которомъ любовь (если только изображается истинная, высокая, духовная любовь, а не та исключительно физиологическая, какой занимаются французскіе натуралисты) не играла бы роли вдохновительницы на все доброе. Такъ, я весьма недавно перечитывалъ романъ Диккенса «Исторія двухъ городовъ», который въ юности произвелъ на меня потрясающее впечатлѣніе, доходившее до галлюцинацій. Въ романѣ этомъ одну и ту же дѣвушку, миссъ Манетъ, страстно полюбили два молодые человѣка: одинъ французъ — Дарнэ, послѣдній представитель знатной французской аристократической фамиліи, послѣдователь новыхъ идей, отказавшійся отъ дворянства, всѣхъ богатствъ и привилегій и переселившійся въ Англію зарабатывать хлѣбъ честнымъ трудомъ, а другой — какъ двѣ капли воды похожій на него наружно, но горькій пьяница, англійскій клеркъ мистеръ Картонъ. — И вотъ мы видимъ, что ни того, ни другого любовь не сдѣлала узкимъ эгоистомъ, глухимъ и нѣмымъ ко всему, что творится на свѣтѣ, а, напротивъ, обоимъ повлекла къ самому высокому самопожертвованію. Дарнэ, только что женившійся и чувствовавшій себя на седьмомъ небѣ, тѣмъ не менѣе тайкомъ отъ молодой жены бѣжалъ во Францію, сознавая всю постыдность пресмыканія въ безопасности между малодушныхъ эмигрантовъ, въ то время какъ на родинѣ его рѣкой лилась кровь за свободу, и мужественно всталъ лицомъ къ лицу опасности лечь подъ ножъ гильотины. Мистеръ Картонъ въ свою очередь почувствовалъ такой высокой подъемъ духа, что рѣшился пожертвовать постылой жизнью счастіемъ своей возлюбленной и, устроивъ бѣгство Дарнэ, самъ за него пошелъ на гильотину, пользуясь сходствомъ съ нимъ. XIV.

Отчего же только наша беллетристика такъ часто изображаетъ любовь въ видѣ постыднаго нравственнаго паденія, дрянного опознанія и забвенія всѣхъ заветовъ юности, всѣхъ требованій чести и долга? Предполагается такъ, что человѣкъ только до тѣхъ поръ и можетъ быть на высотѣ своего призванія, гражданского мужества и подвижничества, пока далекъ отъ женской прелесть: а какъ только вкусить прелесть любовнаго влеченія, такъ въ глазахъ у него все

и потемнѣетъ и позеленѣетъ: пропадъ, родина, борьба со зломъ, талантъ; все привносится въ жертву свѣтанію теплаго семейнаго гнѣздышка и эгоистическому блаженству въ его нѣдрахъ. Что это такое? Остатокъ до-петровскаго домостроевскаго аскетизма, или же столь дряблой натурашкой обладаетъ русскій человѣкъ, что не въ состояніи бываетъ совмѣстить разомъ двухъ сильныхъ страстей и способенъ оказывается всецѣло отдаваться лишь одной изъ нихъ?

Въ томъ и дѣло, что нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ. Многочисленные историческіе примѣры и наблюденія современной жизни могутъ насъ убѣдить, что и въ нашей жизни любовь очень часто играетъ роль вдохновительницы. Но это бываетъ лишь тогда, когда ей есть на что вдохновлять людей. Любовь можетъ быть вдохновительницей только тогда, когда у человѣка есть живое дѣло, которымъ онъ глубоко и страстно проникнутъ и которое есть дѣло самой жизни его. Такое именно дѣло мы видимъ и у первыхъ христіанъ, и у средневѣковыхъ рыцарей, и у Дарнэ. Въ самомъ дѣлѣ, если я страстно люблю искусство, науку, — достаточно ли, чтобы я разлюбилъ ихъ и бросилъ только потому, что полюбилъ женщину?

Но совсѣмъ другое дѣло, когда любовь является въ жизни человѣка единственной живой страстью; все же остальное въ ней мертво, формально и обрядно. Понятно, что любовь не можетъ вдохновить контрпика къ болѣе энергическому выступленію на счетахъ желѣзнодорожныхъ балансовъ; не можетъ она зажечь новой энергіей и человѣка, совершающаго что-либо въ видѣ принудительнаго процесса, исполняемаго на основаніи отвлеченныхъ винушеній долга и лишеннаго въ то же время всякой разумной и осознательной цѣлесообразности. Живое всегда побѣдитъ мертвое, и человѣкъ весь отдается этому живому.

Такъ случилось и съ героемъ повѣсти г. Чехова «неизвѣстнымъ человѣкомъ». XV.

Авторъ не знакомитъ съ прошлымъ своего героя, и мы узнаемъ только вскользь, что онъ служилъ въ морской службѣ, былъ лейтенантомъ, совершилъ кругосвѣтное путешествіе, но такъ повидному мало любилъ свое морское дѣло, что промѣнялъ его на какое-то другое. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что и къ этому другому дѣлу онъ относился такъ же мертво и формально, какъ нѣкогда къ морскому. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что онъ поступилъ къ Орлову въ лакеи неспроста, а ради какихъ-то особенныхъ таинственныхъ соображеній, но когда эти соображенія обманули его и жить у Орлова въ унизительной роли лакея оказалось не для чего, онъ скучалъ, томился, считалъ пропащимъ для себя и для дѣла каждый день своей жизни, и все-таки продолжалъ жить. Очевидно это была апатія извѣрившагося и утомленнаго человѣка, для котораго день прошелъ, и слава Богу.

Но не все умерло въ душѣ его: было въ ней вѣчно и такое, что призывало его къ жизни и наполняло его мозгъ горячими мечтами: «Орловъ — читаемъ мы, — брезгливо отбрасывая отъ себя женскія тряпки, дѣтей, кухню, мѣдную кастриль, а и подбиралъ все это и бережно дѣлалъ въ своихъ мечтахъ, любилъ, просилъ у судьбы, и мнѣ грѣшила жена, дѣтская,

тропинка въ саду, домикъ; потомъ фантазія уносила меня въ аудиторію или на пароходъ и въ океанъ, оттуда опять въ мою дѣтскую—и такъ безъ конца»...

Зинаида Федоровна и явилась осуществленіемъ этихъ единственно живыхъ его мечтаній. Хотя онъ и пишетъ, что не былъ влюбленъ въ нее, и что только въ обыкновенномъ человѣческомъ чувствѣ, которое питалъ къ ней, было гораздо больше молодого, свѣжаго и радостнаго, чѣмъ въ любви Орлова, но въ какой степени на самомъ дѣлѣ это была всепоглощающая страсть, мы можемъ судить по слѣдующимъ строкамъ:

«Работая по утрамъ сапожной щеткой или вѣникомъ, я съ замираніемъ сердца, какъ мальчишка, ждалъ, когда, наконецъ, услышу ея голосъ и шаги, и увижу милое, доброе, немножко заспанное лицо. Стоять и смотрѣть на нее, когда она пила кофе и потомъ завтракала, подавать ей въ передней шубку и одѣвать на ея маленькія ножки калоши, при чемъ она опиралась о мое плечо, потомъ нѣсколько часовъ поджидать съ нетерпѣніемъ, когда снизу позвонитъ мнѣ швейцаръ, встрѣчать ее въ дверяхъ розовую, холодную, попудренную снѣгомъ, слушать отрывистыя восклицанія насчетъ мороза или извозчика,—еслибы вы знали, какъ все это было для меня важно и полно интереса! Мнѣ хотѣлось влюбиться въ нее и хотѣлось, чтобы у моей будущей жены было именно такое лицо, такой голосъ!...»

И вотъ, разъ у него, испытывающаго, по собственнымъ словамъ его, голодъ, холодъ, болѣзни, лишеніе свободы, но личнаго счастья не знавшаго, безпріютнаго и имѣвшаго за душой одни тяжкія воспоминанія, которыя пугали его совѣсть,—загорѣлась живая страсть. Понятно, что все мертвое, отвлеченно надуманное должно было безслѣдно сгорѣть въ огнѣ этой страсти, и онъ почувствовалъ вдругъ, что въ немъ произошла перемѣна, и онъ сталъ другимъ человѣкомъ. «Чтобы провѣрить себя,—говоритъ онъ,—я началъ было вспоминать свое прошлое, но тотчасъ же мнѣ стало жутко, какъ будто я нечаянно заглянулъ въ темный уголъ. Вспомнилъ я своихъ товарищей и знакомыхъ, и первая мысль моя была о томъ, какъ я покраснѣю и растеряюсь, когда встрѣчу кого-нибудь изъ нихъ. Кто же я теперь такой? О чемъ мнѣ думать и что дѣлать? Куда идти? Для чего я живу?»

Страшно было это жуткое сознаніе своего нравственнаго паденія, своей измѣны всему прошлому, что до сихъ поръ составляло содержаніе всей его жизни,—но весь ужасъ трагической его коллизіи ждалъ героя нашего впереди и заключался въ той радикальной противоположности, какая существовала между нимъ и Зинаидой Федоровной. Оба они жили до того времени призрачной жизнью, оба обманывали себя и другихъ тѣми иллюзіями, которыми тѣшились, къ полному нравственному банкротству, но великое горе для обоихъ было то, что одинъ искалъ выхода въ томъ самомъ, въ чемъ разочаровалась другая, и наоборотъ.

Когда герой открылъ глаза Зинаиды Федоровны и далъ ей понять весь позоръ ея ложнаго положенія въ домѣ Орлова, она была готова лишиться себя жизни,

но онъ, воззавъ ее къ настоящему, а не призрачному обновленію, увлекъ ее за границу, идѣ, слушая его рассказы изъ прошлаго, она загорѣлась новой энергіей протеста противъ всего своего прошлаго и говорила:

— Я сама ненавижу и презираю свое прошлое, и Орлова, и свою любовь... Какая это любовь? Это эгоизмъ, грубый, пошлый эгоизмъ!...—продолжала она, сверкая глазами.—Я любила Орлова, то есть, другіи словами, хотѣла, чтобы онъ принадлежалъ только мнѣ,—и въ этомъ вся жизнь, все страданіе. Теперь даже смѣшно все это,—говорила она, подходя къ окну и глядя внизъ на каналъ.—Всѣ эти любви только туманятъ совѣсть и сбиваютъ съ толку. Въ жизни или вовсе нѣтъ смысла, или же она только въ одномъ—въ борьбѣ. Въ борьбѣ не на жизнь, а на смерть! Наступитъ каблукъ на подлую измѣнную голову, чтобы она—крак! Вотъ въ чемъ смыслъ. XVII.

Случись у нашего героя за душой кромѣ любви къ Зинаидѣ Федоровнѣ хоть что-нибудь столь же живое, какова была его любовь, очень возможно, что, какъ ни была разочарована Зинаида Федоровна въ любви, она могла бы со временемъ и вновь полюбить человѣка, спасшаго ее отъ смерти. Какъ любовь вдохновляетъ на подвиги, такъ, наоборотъ, и живое увлеченіе какимъ-нибудь дѣломъ способно возбудить любовь. Энтузіасты, какъ извѣстно, по большей части пользуются успѣхомъ у женскаго пола. Но чѣмъ болѣе разглядывала Зинаида Федоровна нашего героя, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждалась, что передъ ней не живой человѣкъ, а гнилой трупъ, да къ тому же и обманщикъ почище еще Орлова, такъ какъ, желая привлечь ее, онъ рисовался передъ нею тѣмъ, въ чемъ самъ извѣрился, и сулилъ ей то, чего дать былъ давно уже не въ состояніи. И вотъ, наконецъ, у нихъ произошло страшное и роковое объясненіе, въ которомъ вся фальшь ихъ взаимныхъ отношеній всплыла наружу и обнаружилась во всемъ своемъ безобразіи и безвыходности.

Объясненіе это началось съ того, что Зинаида Федоровна обратилась къ герою нашему съ требованіемъ категорическаго отвѣта,—что она должна дѣлать не только въ Ниддѣ, гдѣ они въ то время были, а вообще. Но герой молчалъ и смотрѣлъ въ окно на море. Сердце у него страшно забилося.

«—Владиміръ Ивановичъ...—сказала она тихо и прерывисто дыша; ей тяжело было говорить.—Владиміръ Ивановичъ, если вы сами не вѣрите въ дѣло, если вы уже не думаете вернуться къ нему, то зачѣмъ... зачѣмъ вы тащили меня изъ Петербурга? За чѣмъ общались и зачѣмъ возбудили во мнѣ сумасшедшія надежды? Убѣжденія ваши измѣнились, вы стали другимъ человѣкомъ, и никто не винитъ васъ въ этомъ.—убѣжденія не всегда въ нашей власти; но... но, Владиміръ Ивановичъ, Бога ради, зачѣмъ вы не искренни?—продолжала она тихо, подходя къ нему.—Когда я всѣ эти мѣсяцы мечтала вслухъ, бредила, восхищалась своими планами, перестраивала свою жизнь на новый ладъ, то почему вы не говорили мнѣ правды, а молчали или поощряли разсказами и держали себя такъ, какъ будто вполне сочувствовали мнѣ? Почему? Для чего это было нужно?»

—Трудно сознаваться въ своемъ банкротствѣ,—проговорилъ онъ, оборачиваясь, но не глядя на нее.—Да, я не вѣрю, утомился, палъ духомъ... Тяжело быть искреннимъ, страшно тяжело—и я молчу. Не дай Богъ никому пережить то, что я пережилъ.

— Владимиръ Ивановичъ,—сказала она и взяла его за обѣ руки.—Вы много пережили и испытали, знаете больше, чѣмъ я; подумайте серьезно и скажите: что мнѣ дѣлать? Когда я мало-по-малу убѣдилась, что вы не вѣрите, то и у меня поколебалась вѣра и я также... пала духомъ. Научите меня. Если вы сами уже не въ силахъ идти и вести за собой другихъ, то по крайней мѣрѣ укажите, куда мнѣ идти. Согласитесь, вѣдь я живой, чувствующій и разсуждающій человѣкъ... Попасть въ ложное положеніе... играть жалкую, унижительную роль... мнѣ это тяжело. Я не упрекаю, не обвиняю васъ, а только прошу.

— Ну, что же?—спросила Зинаида Оедоровна, послѣ того какъ гарсонъ принесъ чай и вышелъ,—что вы мнѣ скажете?

— Не только свѣту, что въ окнѣ,—отвѣчалъ герой.—И кромѣ меня есть люди, Зинаида Оедоровна.

— Такъ вотъ укажите мнѣ ихъ,—живо сказала она.—Я объ этомъ только и прошу васъ.

— И еще я хочу сказать,—продолжалъ онъ:—служить идеѣ можно не на одномъ какомъ-нибудь поприщѣ. Если ошиблись, извѣрились на одномъ, то можно отыскать другое. Миръ идей широкъ и неисчерпаемъ.

— Миръ идей!—проговорила она и насмѣшливо поглядѣла ему въ лицо.—Такъ ужъ лучше мы перестанемъ... Что ужъ тутъ...

Она покраснѣла и пошла къ столу наливать чай.

— Миръ идей!—повторила она и отбросила салфетку въ сторону, и лицо ея приняло негодующее, брезгливое выраженіе.—Всѣ эти ваши прекрасныя идеи, я вижу, сводятся къ одному неизбежному, необходимому шагу: я должна сдѣлаться вашей любовницей. Вотъ что нужно. Поситесь съ идеями и не быть любовницей честнѣйшаго, идейнѣйшаго человѣка—значитъ не понимать идеи. Надо начинать съ этого... то-есть съ любовницы, а остальное само приложится.

— Вы раздражены, Зинаида Оедоровна,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я искренна!—крикнула она, тяжело дыша.—Я искренна!

— Вы искренни быть можете, но вы заблуждаетесь, и мнѣ больно слушать васъ.

— Я заблуждаюсь!—засмѣялась она.—Кто бы говорить, да не вы, сударь мой! Пусть я покажусь вамъ неudelikatной, жестокой, но куда ни шло: вы любите меня? Вѣдь любите?

Герой покраснѣлъ и пожалъ плечами.

— Да, пожимайте плечами!—продолжала она насмѣшливо.—Когда вы были больны, я слышала, какъ вы бредили мной, потомъ постоянно эти обожающіе глаза, вздохи, благонамѣренные разговоры о близости, духовномъ родствѣ... Но главное,—почему вы до сихъ поръ были неискренни? Почему вы скрывали то, что есть, а говорили о томъ, чего нѣтъ? Сказали бы съ самаго начала, какия собственно идеи заставили васъ вытащить меня изъ Петербурга, такъ бы ужъ я и знала... Отравилась бы тогда, какъ хотѣла, и не было бы теперь этой нудной комедіи... Э, да что говорить!—Она махнула на него рукой и сѣла.

— Похоже на то, какъ будто вы подозреваете во мнѣ безчестія намяренія,—обидѣлся онъ.

— Ну, да ужъ ладно! Что ужъ тутъ! Я не намяренія подозреваю въ васъ, а то, что у васъ никакихъ намяреній не было. Вудь они у васъ, я бы ужъ знала

ихъ. Кромѣ идей о любви у васъ ничего не было,—засмѣялась она.—Теперь идеи и любовь, а въ перспективѣ—я любовница. Таковъ ужъ порядокъ вещей и въ жизни, и въ романахъ... Вотъ вы бранили его,—сказала она и ударила ладонью по столу,—а вѣдь по-неволѣ съ нимъ согласишься. Но даромъ онъ презираетъ всѣ эти идеи.

— Онъ не презираетъ идеи, а боится ихъ!—крикнулъ я.—Онъ трусъ и лжецъ.

— Ну, да ужъ ладно! Онъ трусъ, лжецъ и обманулъ меня, а вы? Извините за откровенность: вы кто? Онъ обманулъ и бросилъ меня на произволъ судьбы въ Петербургъ, а вы обманули и бросили меня здѣсь. Но тотъ хоть идеи не прилеталъ къ обману, а вы...

— Вога ради, зачѣмъ вы это говорите?—ужаснулся герой, ломая руки и быстро подходя къ ней.—Если Орловъ и я обманули васъ, то причѣмъ тутъ идеи? Чѣмъ онъ виноватъ? Вѣдь не я и не Орловъ ихъ выдумали... Нѣтъ, Зинаида Оедоровна, нѣтъ, это цинизмъ, нельзя такъ отчаиваться, выслушайте меня,—продолжалъ онъ, ухватившись за мысль, которая вдругъ неясно блеснула у него въ головѣ и, казалось ему, могла еще спасти ихъ обоихъ.—Слушайте меня... Я чахоточный, испытавшій на своемъ вѣку, кажется, все, что только можно испытать человѣку, крѣпко позналъ мозгомъ и своею болью, что назначенію человѣка или ни въ чемъ, или же только въ одномъ—въ самоотверженной любви къ ближнему. Вотъ куда мы должны идти и въ чемъ наше назначеніе! Вотъ моя вѣра!

Дальше онъ хотѣлъ сказать о милосердіи, о всепрощеніи, о томъ, что можно служить истинѣ независимо отъ принадлежности къ той или другой категоріи или партіи, но голосъ его вдругъ зазвучалъ неискренно, онъ смутился и въ отчаяніи махнулъ рукой.

— Мнѣ жить хочется!—проговорилъ онъ нескрепно.—Жить, жить—и больше ничего! Я хочу мира, тишины... я хочу тепла, вотъ этого моря, вашей близости. О, какъ бы я хотѣлъ вынуть и вамъ эту страстную жажду жизни! Она быть можетъ болязнь, да вѣроятію и есть болязнь, но съ ней хорошо. Какъ бы мы жили! Вы только-что говорили про любовь, но для меня было бы довольно и одной близости вашей, нашего голоса, выраженія лица... Я-бы служилъ вамъ, берегъ и, какъ говорится, лѣлѣлъ бы васъ... Вашего ребенка я любилъ бы, какъ своего... и я уже люблю его.

Она покраснѣла и сказала быстро, чтобы помѣнать ему говорить:

— Вы любите жизнь, а я ее ненавижу. Стало быть, дороги у насъ разныя.

И затѣмъ, произведи на свѣтъ дѣвочку, которой была беременна отъ Орлова, она отравилась.

Признаюсь, давно уже не приходилось читать въ литературѣ нашей ничего столь глубокаго и сильнаго, какъ вся эта сцена. И возвращаясь къ началу своего трактата о г. Чеховѣ, я обращаюсь въ заключеніе ко всѣмъ мало-мальски безпристрастнымъ читателямъ и спрашиваю,—неужели подобную сцену, которую можно смѣло поставить на одномъ ряду со всѣмъ, что только было лучшаго къ нашей литературѣ, могъ со-
здать писатель, не имѣющій никакихъ идеаловъ?